

В.Ф. Булгаков

ДУХОВНЫЙ ПУТЬ Л. ТОЛСТОГО

Иваново
2013

УДК 130.122
ББК 87.3(2)6
Б 90

Составитель А.Д.Тюриков

Б Булгаков В.Ф.

Духовный путь Л.Толстого. – Иваново: ИПК «ПресСто»,
2013. – 80 с.

ISBN

Вниманию читателей предлагается одна из тех редких книг, в которой достоверно и глубоко очерчена духовная эволюция великого русского писателя и мыслителя – Льва Николаевича Толстого.

Книга написана В.Ф.Булгаковым (1886–1966), последователем и последним секретарем Л.Н.Толстого, и была издана в Праге в 1923 году.

Труд В.Ф.Булгакова высоко оценили Н.К. и Е.И. Рерихи, чьи отзывы о книге представлены в данном издании.

ISBN

© А.Д. Тюриков

I

Толстой разделил судьбу всех великих явлений. Выросши, еще при жизни своей среди нас, в какой-то миф, он поразил внимание людей своей величиною, гигантскими размерами дарования, задач и личности, стал сказкой в действительной жизни, волшебным миражем, имеющим воплощение. Этот гений, эта гора стала видна издалека. Люди, наиболее далекие от него или обладавшие наибольшей близорукостью, все же ясно различали его общие, грубые очертания и, на основании этих впечатлений, составляли свои суждения о столь исключительном явлении. Причем этого общего разглядывания, разглядывания издалека, им часто казалось достаточным для того, чтобы *знать Толстого*, тогда как, в сущности, большинство знало его очень мало, – и это было естественно: ибо видеть на горизонте гору – еще не значит ознакомиться с ее природой. И как случайному путешественнику никогда и не приходит в голову исследовать поднимающийся вдаль, в стороне от его дороги пик, так и людям, занятым житейской суетой, по большей части и в голову не приходило начать изучать Толстого серьезно. В отдельных случаях нужен был особый повод, особый подарок (какой-нибудь золотой самородок) из недр горы, чтобы привлечь к ней жадное и глубокое и пристальное внимание любознательного и пытливого человека. С таким вниманием направлялись к Толстому некоторые, осчастливленные его дарами,

Публикуется по: *Булгаков В.Ф. Толстой-моралист. Прага, 1923.*

В научно-справочной библиотеке Российского государственного архива литературы и искусства (РГАЛИ) находится экземпляр книги В.Ф.Булгакова «Толстой-моралист» с многочисленными исправлениями текста автором (в том числе было изменено и название на «Духовный путь Л.Толстого»). В данной публикации все эти исправления учтены.

Цитаты из произведений, писем и дневников Л.Н.Толстого сверены по: *Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений: В 90 т. М., 1928–1958.*

большинство же предпочитало судить и говорить о нем не зная его, лишь по мимолетным и случайным наблюдениям издалика.

И в результате образ Толстого в общем представлении малопомалу заволакивался облаком ложных суждений и мнений, принимая вовсе не тот вид, какой ему, действительно, был свойственен, вследствие чего необходимы новые усилия, новая работа, чтобы очистить этот образ от всего того, что было ему навязано.

Люди не могут, наконец, не набрести вплотную на великую гору и не узнать ее. Спадет со временем, как шелуха, и все то неверное, случайное, ошибочное и наносное, с чем связывается сейчас в нашем представлении образ Толстого.

Толстой был поразительным по своей разносторонности человеком, и вот люди видят одну его сторону и, судя по ней, высказывают общее суждение о Толстом, часто глубоко ошибочное. Так, нет ничего более обыкновенного, как известное рассуждение о том, что мы имели будто бы, собственно, *двух Толстых*: Толстого-художника и Толстого-философа, и что можно, будто бы, поэтому признавать одного и отрицать другого. На такую удочку – разделение единого Толстого надвое – попадают не только профаны, но подчас и люди очень умные и считающиеся образованными. Между тем, следует признаться, что невозможно, без известного рода *недобросовестности* и *лицемерия*, как перед самим собой, так и перед другими, утверждать серьезно о Толстом нечто подобное. Толстой, конечно, был один. Он был именно Толстой, и больше никто. Теперь уже начинают это понимать.

Однако, следовало бы признать вполне естественным вопрос о том: что же *общего* в Толстом-художнике и Толстом-мыслителе? Где то *однородное* начало, *единое лицо* Толстого, которое мешает нам вводить какую-то двойственность в понимание этого великого человека? Что соединяет Толстого-юношу с Толстым-мужем и, наконец, Толстым-стариком? Что в них общего? И когда это общее, основное впервые выявилось в Толстом, достигло наиболее яркого выражения и всегда ли оставалось однородным?

Менялись ли формы или были изменения по существу?

Чтобы получить ответ о Толстом *подлинном*, изменим нашу методологическую позицию. Перестанем глядеть на Толстого извне, со стороны, как это мы всегда делаем, забудем на время о Толстом-писателе, объекте изучения, а посмотрим на него просто как на человека, последим за ним и за его духовной жизнью *изнутри*, как равные за равным. Ведь все, что совершается в нем как в человеке, найдет естественный

отклик и в нас самих. И в то же время, не может быть лучшего пути, чтобы таким образом понять Толстого и как мыслителя, и как художника.

Но достижима ли эта задача? Ведь, как мы уже говорили, Толстой – это была такая богатая, одаренная разнообразными способностями, свойствами и чертами личность. Где найдем мы ключ к ее пониманию? Какую сторону характера или деятельности Толстого примем мы за руководящую?

Никакую, и все вместе. Нам придется иметь в виду лишь основу его «я», вокруг которой, как вокруг неподвижного стержня, и обращаются самые разнообразные стороны его личности. Попробуем угадать *основное стремление* души Толстого, которое окрашивает соответствующим колоритом всю его духовную жизнь. Для этого нам надо углубиться и в Толстого-мыслителя, и в Толстого-художника, и, главное, в Толстого – человеческую личность.

Изучая Толстого таким образом, мы убедимся в наличии чрезвычайно глубокой, поучительной и своеобразной *духовной эволюции*, которую он пережил, проходя одну ступень за другой в своем последовательном внутреннем развитии на протяжении нескольких десятков лет, причем нами будет установлено, что отличительным признаком этой эволюции является: *единство общих ее стремлений при разнообразии форм*.

Попытаемся исследовать этот вопрос и проследить духовную эволюцию Л.Н.Толстого в основных ее фазисах.

II

Если обратиться к ранней юности Л[ьва] Н[иколаеви]ча, нашедшей особенно яркое свое отражение в его дневниках, то здесь мы наталкиваемся на наличие *постоянных исканий* у молодого Толстого. «Я ищу все какого-то расположения духа, взгляда на вещи, образа жизни, которого я ни найти, ни определить не умею», – говорит он сам о себе (Дневник, запись 11 июня 1851 г.). Вглядываясь в природу этих исканий юного Л[ьва] Н[иколаеви]ча, невозможно назвать их иначе, как *религиозными*; они слишком глубоки, чтобы можно было понимать их иными. Это – искание высшего типа, не удовлетворяющееся ходячими ответами... И вот эта-то черта – *религиозные искания* – и есть, как мне кажется, основная принадлежность духовного существа Толстого и основной внутренней стимул, совершавшейся с ним и в нем, духовной эволюции, духовного развития и роста.

Позже, в статье «Что такое религия и в чем сущность ее?» (1902) Л.Н.Толстой так определял религию вообще: «*Истинная религия есть такое согласное с разумом и знаниями человека установленное им отношение к окружающей его бесконечной жизни, которое связывает его жизнь с этой бесконечностью и руководит его поступками*». И именно вот это-то стремление – в бесконечном найти высшее оправдание, обоснование и смысл жизни – и проходит красной нитью через всю духовную работу Л[ьва] Н[иколаеви]ча, не покидая его с ранних лет юной жизни до самой глубокой старости и выражаясь сначала то страстно, мучительно и порывисто, то – впоследствии – в спокойной и радостно-уверенной форме непреложной надежды на высшее удовлетворение.

Перелистывая дневник молодости Л[ьва] Н[иколаеви]ча, мы невольно поражаемся тому, какая поучительная картина борь-

бы за нравственную чистоту и красоту человеческой личности раскрывается перед нами. Вечно живое сердце Толстого волнуется и бьется перед нами в трепетных муках зверка, пойманного в капкан телесности и преодолевающего ее путем страшных жертв и усилий.

Порывы молодого Толстого – самые идеальные и, главное, вполне сознательные. «Какая цель жизни человека?» – спрашивает он сам себя и отвечает:

«Какая бы ни была точка исхода моего рассуждения, что бы я ни принимал за источник оного, я прихожу всегда к одному заключению: цель жизни человека есть всевозможное содействие к всестороннему развитию всего существующего. – Начну ли я рассуждать, глядя на природу, я вижу, что все в ней постоянно развивается, и что каждая составная часть ее способствует бессознательно к развитию других частей; человек же, так [как] он есть такая же часть природы, но одаренная сознанием, должен также, как и другие части, но сознательно употребляя свои душевные способности, стремиться к развитию всего существующего. – Стану ли я рассуждать глядя на историю, я вижу, что весь род человеческий постоянно стремился к достижению этой цели. – Стану ли рассуждать рационально, т.е. рассматривая одни душевные способности человека, то в душе каждого человека нахожу это бессознательное стремление, которое составляет необходимую потребность его души. – Стану ли рассуждать глядя на историю философии, найду, что везде и всегда люди приходили к тому заключению, что цель жизни человека есть всестороннее развитие человечества. Стану ли рассуждать, глядя на богословие, найду, что у всех почти народов признается существо совершенное, стремиться к достижению которого признается целью всех людей. И так я, кажется, без ошибки за *цель моей жизни могу принять сознательное стремление к всестороннему развитию всего существующего. – Я бы был несчастливейший из людей, ежели бы я не нашел цели для моей жизни – цели общей и полезной, полезной потому, что бессмертная душа, развившись, естественно перейдет в существо высшее и соответствующее ей. – Теперь же жизнь моя будет вся стремлением деятельным и постоянным к этой одной цели*¹» (Дневник, 17 апреля 1847 г.).

¹ Курсив В.Ф.Булгакова.

На этой дороге – стремления к бесконечному совершенствованию – юноша Толстой хочет быть свободным от каких бы то ни было связывающих его волю пут. Тут ярко выразилась, с одной стороны, присущая ему потребность доведения всякого положения или понятия до его логического конца, с другой – любовь его к правде и только к правде.

«Дойду ли я когда-нибудь до того, чтобы не зависеть ни от каких посторонних обстоятельств? По моему мнению, это есть огромное совершенство; ибо в человеке, который не зависит ни от какого постороннего влияния, дух необходимо по своей потребности превзойдет материю, и тогда человек достигнет своего назначения», – пишет Толстой в своем дневнике 16 июня 1847 г.

Еще раньше, 17 марта того же года, читаем там же: «Все, что сообразно с первенствующею способностью человека – разумом, будет равно сообразно со всем, что существует; разум отдельного человека есть часть всего существующего, а часть не может расстроить порядок целого. Целое же может убить часть. – Для этого образуй твой разум так, чтобы он был сообразен с целым, с источником всего, а не с частью, с обществом людей; тогда твой разум сольется в одно с этим целым, и тогда общество, как часть, не будет иметь влияния на тебя».

Тут особенно характерно это противопоставление «общества», как части, «целому, источнику всего», столь очевидно обнаруживающее истинную религиозную природу души Л[ьва] Н[иколаевича] и так воскрешающее в памяти позднейшее утверждение старика Толстого о том, что несправедливо причислять его к мыслителям политическим, так как он является мыслителем религиозным по преимуществу.

Самые попытки молодого Толстого улучшать себя, образовывать свой характер, бороться со своими пороками отличаются необыкновенной напряженностью и нашли, как это теперь уже известно, полное выражение в его молодых дневниках. Напомним себе хотя бы только один отрывок из этих дневников, в котором Толстой выступает перед нами как неліцеприятный и строгий до суровости, до жестокости судья самого себя. Это запись от 8 марта 1851 г.:

«Опять долго не очнулся, однако, преодолел. – Николинъке¹ написал письмо (*необдум[анно] и торопливо*). – В Контору – тою

¹ Николай Николаевич Толстой (1823–1860) – старший брат Л.Н.Толстого.

же, мною принятою глупою формою (*обман себя*). Гимнастику делал неосновательно, т.е. слишком мало соображаясь с своими силами, эту слабость я вообще назову: *заносчивость*, отступление от действительности. – Смотрелся часто в зеркало. Это глупое, физическое себялюбие, из которого кроме дурного и смешного ничего выйти не может. С Пуаре¹ опять конфузился (*обман себя*). На коннозаводстве действовал слабо [?], первый поклон[ился] Голицыну² и прошел не прямо, куда нужно. – *Рассеянность*. – На гимнастике хвалился (самохвальство). Хотел Кобылину³ дать о себе настоящее мнение (мелочное тщеславие). Много слишком ел за обедом (обжорство). Поехал к Волконскому⁴, не кончив дела (недостаток последовательности). Наелся сладостей, засиделся. – Лгал».

И так – всегда. Сначала такое «шпынянье» самого себя кажется даже мелочным, но, конечно, это – не мелочность, а крайняя требовательность к самому себе. Главное же – то, что ведь источник этой требовательности – совершенно самостоятельный: собственная природа автора дневника. Никто необходимости такой требовательности ему не подсказал. Среда, в которой рос молодой Толстой, и понятия ее были ужасны. Он сам после вспоминал, как его тетка, «чистейшее существо», с которой он жил, всегда говорила ему, что она «ничего не желала бы так для него, как того, чтобы он имел связь с замужней женщиной».

Юноша Толстой, стремясь к очищению себя от своих пороков и к самосовершенствованию, составлял особые «правила» для себя, потом нарушал их, снова составлял и опять падал. «Я написал вдруг много правил, – записывает он в своем дневнике 18 апреля 1847 г., – и хотел им всем следовать; но силы мои были слишком слабы для этого».

Недовольство собой выражается у него то лирическим настроением, то молитвою, обращенною к Богу.

Будучи уже офицером в Севастополе, в 1854 г., Толстой вносит в дневник следующее свое стихотворение:

¹ Я.В.Пуаре (1826–1877) – содержатель школы гимнастики и фехтования в Москве, которую посещал Л.Н.Толстой.

² С.М.Голицын (1774–1859) – государственный деятель, попечитель Московского учебного округа, член Государственного совета.

³ Вероятно Н.Е.Кобылин (1827–1865) – землевладелец Крапивинского уезда Тульской губернии, или А.В.Сухово-Кобылин (1820–1903) – драматург.

⁴ Возможно А.А.Волконский (1818–1865) – четвероюродный брат Л.Н.Толстого, Вологодский предводитель дворянства (1857–1858).

Когда же, когда наконец, перестану
Без цели и страсти свой век проводить,
И в сердце глубокую чувствовать рану
И средства не знать, как ее заживить.
Кто сделал ту рану, лишь ведает Бог,
Но мучит меня от рожденья,
Грядущей ничтожности горький залог,
Томящая грусть и сомненья.

Чувство недовольства собой и желание найти высшую, духовную опору исторгает из его души пламенные обращения к существу всеобъемлющему, к Богу. «Вчера я почти всю ночь не спал, пописавши дневник, я стал молиться Богу, – пишет Л[ев] Н[иколаевич] в своем дневнике 11 июня 1851 г. – Сладость чувства, которое испытал я на молитве: передать невозможно... – Я желал чего-то высокого и хорошего; но чего, я передать не могу; хотя и ясно сознавал, что я желаю. – Мне хотелось слиться с Существом всеобъемлющим. Я просил Его простить преступления мои; но нет, я не просил этого, ибо я чувствовал, что ежели Оно дало мне эту блаженную минуту, то оно простило меня. Я просил, и вместе с тем чувствовал, что мне нечего просить, и что я не могу и не умею просить. Я благодарил, да, но не словами, не мыслями. Я в одном чувств[ве] соединял все, и мольбу, и благодарность... Нет, вот оно чувство, которое я испытал вчера, – это любовь к Богу. – Любовь высокую, соединяющую в себе все хорошее, отрицающую все дурное...»

Зачем писал я все это? Как плоско, вяло, даже бессмысленно выразились чувства мои; а были так высоки!!»

«Молю тебя, Господи, открой мне свою волну», – записывает Л[ев] Н[иколаевич] в своем дневнике 15 декабря 1852 г.

Все это – и «правила», и чувства мучительного искания и недовольства собой, и стихи, и молитвы – может показаться, пожалуй, обычным выражением душевного роста хорошего юноши. Но нет, это орленок мучается в узких еще тисках не сложившегося, не определившегося сознания.

Этому барчонку, этому юноше случается подчас заносить в свой дневник такие мысли, которые сделали бы честь седому мудрецу, заглянувшему в глубины духовных откровений, – какому-нибудь

Амиель¹, Паскалю² или Канту³.

Так, 29-го июня 1852 г. 24-х летний Л[ев] Н[иколаевич] заносит в свой дневник такую мысль:

«Тот человек, которого цель есть собственное счастье, дурен; тот, которого цель есть мнение других, слаб; тот, которого цель есть счастье др[угих], добродетелен; тот, которого цель – Бог – велик».

В том же году 13-го июля Л[ев] Н[иколаевич] записывает в дневнике:

«*Стремление плоти – добро личное. Стремление души – добро других*».

Но еще более поражает нас, к какому знаменательному пророчеству о себе самом, в связи со своей позднейшей ролью в истории развития религиозного сознания человечества, способен был молодой Толстой. Мы не можем не процитировать здесь этого пророчества, которое приводится во всех биографиях Л[ьва] Н[иколаевича].

4-го марта 1855 г. (т.е. 26-ти лет от роду) Л[ев] Н[иколаевич] записывает в своем дневнике:

«Вчера разговор о божест[венном] и вере навел меня на великую громадную мысль, осуществлению которой я чувствую себя способным посвятить жизнь. – Мысль эта – основание новой религии, соответствующей развитию человечества, религии Христа, но очищенной от веры и таинственности, религии практической, не обещающей будущее блаженство, но дающей блаженство на земле. – Привести эту мысль в исполнение, я понимаю, что могут только поколения, сознательно работающие к этой цели. Одно поколение будет завещать мысль эту следующему и когда-нибудь фанатизм или разум приведут ее в исполнение. Действовать *сознательно* к соединению людей с религией, вот основание мысли, которая, надеюсь, увлечет меня».

Итак, мы видим, насколько глубоко лежали в душе Толстого зародыши религиозных стремлений и сознания необходимости обосновать свою жизнь на внутренней связи с высшим духовным существом – Богом.

¹ А.Ф.Амиель (1821–1881) – французский философ и писатель.

² Б.Паскаль (1623–1662) – французский математик, физик, литератор и философ.

³ И.Кант (1724–1804) – немецкий философ, родоначальник немецкой классической философии.

III

Но с молодым Толстым случилось то, что часто происходило с людьми, вырвавшимися в рамках навязанной им с детства официальной веры, которая для каждого считалась обязательной и которая, в то же время, не давала настоящего ответа на глубочайшие запросы духа наиболее пытливых и ищущих натур. Отойдя, под влиянием среды и критического отношения собственного сознания, от православной, церковной веры, молодой Толстой поддался «всей той внушительной, самоуверенной, торжествующей мудрости людской, которая внушалась ему сознательно и бессознательно всем окружающим» («Верьте себе», 1906–1907), вследствие чего и потерял ту наивную, чистую, детскую веру, которая до сих пор питала его. Первые, чистые стремления его, стремления «быть хорошим, в смысле евангельском, в смысле самоотречения и любви», заменились (как после рассказывал Л[ев] Н[иколаевич] в обращении к юношеству «Верьте себе») «очень определенными, хотя и разнообразными желаниями успеха перед людьми, быть знатным, ученым, прославленным, богатым, сильным, то есть таким, которого бы не я сам, но люди считали хорошим»...

«Двадцати шести лет, – говорит Л[ев] Н[иколаевич] в «Исповеди» (1879–1882), – я приехал в Петербург и сошелся с писателями. Меня приняли как своего, льстили мне. И не успел я оглянуться, как сословные писательские взгляды на жизнь тех людей, с которыми я сошелся, усвоились мною и уже совершенно изгладили во мне все мои прежние попытки сделаться лучше».

Толстой всецело отдается художественному творчеству. Но нечего и говорить, что те задатки, которые были вложены в него природой, не умерли. Он не мог и к самому писательству относиться чисто внешним образом. Глубочайшие запросы души бра-

ли свое. Если рассудок, а, может быть, и расчет отверг веру, то могучий, живой дух не мог помириться с безверием. И, действительно, мы видим, что религиозные искания Л[ьва] Н[иколаевича] продолжаются, хотя и в новой форме. В художественных образах, посредством интуиции, сознание Толстого творит свою религию.

Кто откажет в глубине и продуктивности этому интуитивному религиозному творчеству?

Вот они проходят перед нами, эти образы...

Кто из нас не помнит юродивого Гришу в «Детстве» и его страстную молитву, подслушанную детьми и с таким захватывающим чувством переданную в первой же повести начинающим литератором Л. Толстым?

А Оленин в «Казаках» (1852–1862) и его рассуждения о счастье? – «И вдруг ему как будто открылся новый свет. “Счастье – вот что, – сказал он сам себе, – счастье в том, чтобы жить для других. И это ясно. В человеке вложена потребность счастья; стало быть она законна. Удовлетворяя ее эгоистически, то есть отыскивая для себя богатства, славы, удобств жизни, любви, может случиться, что обстоятельства так сложатся, что невозможно будет удовлетворить этим желаниям. Следовательно, эти желания незаконны, а не потребность счастья незаконна. Какие же желания всегда могут быть удовлетворены, несмотря на внешние условия? Какие? Любовь, самоотвержение!” Он так обрадовался и взволновался, открыв эту, как ему показалось, новую истину, что вскопчил и в нетерпении стал искать, для кого бы ему поскорее пожертвовать собой, кому бы сделать добро, кого бы любить»...

Не менее замечательно для молодого Толстого отношение его к войне, выраженное и в «Набеге» (1852), особенно в освобожденной от цензурных искажений версии этого рассказа¹, и в «Севастопольских рассказах» (1855), отношение, как известно, близко отвечающее тем взглядам на войну и милитаризм, которые позже сложились у Толстого, как плод сознательного религиозно-философского мышления.

Точно так же, еще в эти ранние годы, годы художественного творчества первого периода, определяется взгляд Толстого на не-

¹ См. «Сочинения гр. Л.Н.Толстого», изд. 12-е. М., 1911. Т. 2-й. – «Война? – говорит Толстой в «Набеге». – Какое непонятное явление? Когда рассудок задает себе вопрос: справедливо ли, необходимо ли оно? внутренний голос всегда отвечает: нет». – *Примечание В.Ф.Булгакова.*

справедливость и преступность социального неравенства людей, как противоречащего тому единому началу добра, которое заложено во всех людях, – об этом свидетельствует повесть «Люцерн» (1857), с ее трогательным образом уличного певца-нищего.

В «Войне и мире» (1864–1869), в образах Андрея Болконского и Пьера Безухова, мы видим людей, стремящихся решить и решающих по своему те же мировые вопросы – вопросы о Боге, религии, смысле жизни, – которые не могли не тревожить по-прежнему и автора романа. «Что дурно? Что хорошо?.. Для чего жить, и что такое я? Что такое жизнь, что смерть? Какая сила управляет всем?» – вот какими вопросами мучается Пьер Безухов, приходящий затем, как и Андрей Болконский, к мысли о *бесконечном* (вспомним определение религии, данное Толстым в 1902 г.), как основе всего.

Прекрасно определяет автобиографическое значение обоих этих типов великой толстовской эпопеи биограф Л[ьва] Н[иколаевича] П.И.Бирюков¹: «Князь Андрей и Пьер Безухов, эти две психологические антитезы холодного скептика и наивного мечтателя, с двух противоположных сторон приходят, или, вернее, приводятся жизнью к Богу... Всегда стремившийся к самой высокой религиозной правде, Л[ев] Н[иколаевич] в то время еще не сознавал ее ясно, не признают ее и его герои. Один страданием, смертью, другой прикосновением к всегда правдивой и потому божественной стихийной народной жизни – приводятся к радостному ощущению, к близости Божества, но оно остается для них все же подернутым какою-то неразгаданною тайной»².

Да, Божество и его законы для Толстого, автора романа «Война и мир», остаются пока все еще не разгаданной тайной, но эта тайна скоро будет разгадана. Вместе с дальнейшим развитием художественного творчества первого периода (до начала 80-х гг.) продолжают и религиозные искания автора. И мы видим, как в герое другого замечательного романа Толстого «Анна Каренина» (1873–1877) Константине Левине, снова и снова, все более и более определенными чертами намечается сам Лев Толстой, – Лев Толстой, как то громадной величины и всеобъемлемости культурное явление конца XIX и начала XX века, которое мы знаем.

¹ П.И.Бирюков (1860–1931) – публицист, общественный деятель, биограф, друг и последователь Л.Н.Толстого.

² П.И.Бирюков. Л.Н.Толстой. Биография. Т. 1-й. – *Примечание В.Ф.Булгакова.*

Мы знаем также, что общерелигиозные представления, или, вернее, общерелигиозный уклон автора, к этому времени уже достаточно определились. Это очевидно и из рассуждений Левина в «Анне Карениной»¹, и хотя бы из той замечательной оценки этого романа, как произведения, таящего в себе глубокий религиозный смысл, которую дал ему другой гениальный русский писатель, современник Толстого, Ф.М.Достоевский.

Вот что писал Достоевский о романе Л.Н.Толстого, – романе, стоящем на переломе всей духовной деятельности Л[ьва] Н[иколаевича], когда то, что до сих пор чувствовалось им только как бы инстинктом, как бы интуитивно и выражалось робко, несмело, намеками, – хотя и сильными, но непостоянными, наполовину оставаясь и для самого автора как бы своего рода «неразгаданною тайною», – теперь начинало приобретать формы вполне определенные и стройные:

«...Никакой муравейник, никакое торжество “четвертого сословия”, никакое уничтожение бедности, никакая организация труда не спасут человечество от ненормальности, а следовательно, и от виновности и преступности... Ясно и понятно до очевидности, что зло таится в человечестве глубже, чем предполагают лекаря-социалисты, что ни в каком устройстве общества не избегнете зла, что душа человеческая останется та же, что ненормальность и грех исходят из нее самой и что, наконец, законы духа человеческого столь еще неизвестны, столь неведомы науке, столь неопределенны и столь таинственны, что нет и не может быть еще ни лекарей, ни даже судей окончательных, а есть Тот, который говорит: “Мне отмщение и Аз воздам”². Ему одному лишь известна вся тайна мира сего и окончательная судьба человека... Судья человеческий должен знать о себе, что он не судья окончательный, что он грешник сам, что весы и мера в руках его будут нелепостью, если сам он, держа в руках меру и весы, не преклонится перед законом неразрешимой еще тайны и не прибегнет к единственному выходу – к Милосердию и Любви. А чтоб

¹ «Что радует меня? Что я открыл?.. Я ничего не открыл. Я только узнал то, что я знаю. Я понял ту силу, которая не в одном прошедшем дала мне жизнь, но теперь дает мне жизнь. Я освободился от обмана, я узнал хозяина... А смысл моих побуждений во мне так ясен, что я постоянно живу по нему, и я удивился и обрадовался, когда мужик мне высказал его: жить для Бога, для души». – *Примечание В.Ф.Булгакова.*

² Эпиграф Толстого к роману «Анна Каренина». – *Примечание В.Ф.Булгакова.*

не погибнуть в отчаянии от непонимания путей и судеб своих, от убеждения в таинственной и роковой неизбежности зла, человеку именно указан исход. Он гениально намечен поэтом в гениальной сцене романа... когда преступники и враги вдруг преобразуются в существа высшие, в братьев, всё простивших друг другу, в существа, которые сами, взаимным всепрощением сняли с себя ложь, вину и преступность, и тем разом сами оправдали себя с полным сознанием, что получили право на то»¹.

Общую оценку художественного творчества Толстого первого периода мы могли бы лучше всего произвести словами одного из наиболее тонких ценителей и исследователей Толстого, Н.Н.Страхова²: «...Художник ищет следов красоты души человеческой, ищет в каждом изображаемом лице той искры Божией, в которой заключается человеческое достоинство личности, – словом, старается найти и определить со всею точностию, каким образом и в какой мере идеальные стремления человека осуществляются в действительной жизни».

И после всего этого еще находятся люди, которые могут утверждать, что Толстой-мыслитель – это одно, а Толстой-художник – другое...

¹ «Дневник писателя». – *Примечание В.Ф.Булгакова.*

² Н.Н.Страхов (1828–1896) – философ, публицист, литературный критик.

IV

Уже и того, что намечается в художественных произведениях Толстого первого периода, достаточно для характеристики его религиозных представлений, или, вернее, стремлений, тяготений, потому что, как правильно говорит Бирюков, религиозная истина не открылась еще тогда Л[ьву] Н[иколаевичу] во всей полноте и не была до конца им осознана. Художественное творчество не давало возможности Толстому подойти вплотную и обдумать во всех подробностях все сильнее и сильнее занимавшую его религиозную идею. Тут было не до образов, не до Левиных и Безуховых, когда сам художник, по его признанию, ежедневно вечером, ложась спать, прятал от себя веревку, чтобы ночью не повеситься на перекладине между шкапами в своей комнате: так тяжел был тот душевный кризис, который переживал Толстой, и так велика жажда хоть какого-нибудь выхода из него.

Появляется потрясающая «Исповедь» Толстого (1882), в которой он, обнажая свою душу, с необыкновенной силой и образительностью описывает свои религиозные искания и излагает их ход.

Сила души победила посторонние влияния. Толстой вернулся к вере. Именно вернулся, потому что потребностью ее с самой юности трепетала его душа. «Я вернулся во всем к самому прежнему, детскому и юношескому, — пишет в «Исповеди» сам Толстой. — Я вернулся к вере в ту волю, которая произвела меня и чего-то хочет от меня; я вернулся к тому, что главная и единственная цель моей жизни есть то, чтобы быть лучше, т.е. жить согласнее с этой волей; я вернулся к тому, что выражение этой воли я могу найти в том, что в скрывающейся от меня дали выработало для руководства своего всё человечество, т.е. я вернулся к вере в Бога, в нравственное совершенствование и в предание, переда-

вавшее смысл жизни. Только та и была разница (прибавляет Л[ев] Н[иколаевич]), *что тогда всё это было принято бессознательно, теперь же я знал, что без этого я не могу жить*¹».

Затем появляются «В чем моя вера?» (1884), «Так что же нам делать?» (1886) и др. книги, словом, все то, что и составило, в своей совокупности, так называемое «толстовство» или учение Толстого в глазах читателя, и что является, в сущности, гениальным выражением христианской истины для нашей современности. Толстой с чрезвычайной логичностью и последовательностью развил основное положение христианства о сыновности всех людей одному Отцу-Богу, выведя из этого положения все приложения его к жизни отдельного человека и к жизни всего человеческого общества. На основании этого существеннейшего утверждения христианства о братстве всех людей, как сынов Божьих, Толстой отверг всякое насилие, войну, суды, тюрьмы, смертную казнь, государство, собственность и провозгласил закон равенства во всей его ширине и глубине.

Основные черты этого мировоззрения всем известны и я не буду здесь излагать его.

Замечательно, однако, что в тот долгий срок жизни основоположника от «В чем моя вера?» 1884 г. до «Пути жизни» 1910 г. «толстовство», и теоретическое – в писаниях Л[ьва] Н[иколаевича], и практическое – в жизни Л[ьва] Н[иколаевича] и его многочисленных последователей, вовсе не оставалось неподвижным, одним и тем же, всегда равным самому себе, с одними и теми же чертами и признаками. Оно, без сомнения, эволюционировало, по мере роста в значительной степени изменило свою физиономию по сравнению со временем зачатия, рождения. И не будет преувеличением сказать, что лишь очень немногие из близких или наиболее внимательных по отношению к Толстому уловили эту эволюцию уже народившегося «толстовства», а большинство все еще оценивает «толстовство» по тем детским формам, с какими оно узнало его в период появления на свет.

Какая же это эволюция? В чем выросло «толстовство»? Где та последняя и высшая ступень, на которую оно поднялось?

Попытаемся ответить на эти вопросы.

Психологически отпадение Толстого от веры произошло, главным образом, оттого, что вера эта поразила его своей не-

¹ Курсив В.Ф.Булгакова.

последовательностью и несогласованностью с жизнью людей. «...Живут все на основании начал, не только не имеющих ничего общего с вероучением, но большею частью противоположных ему; вероучение не участвует в жизни...» – говорит он в «Исповеди». Другими словами, жизнь – сама по себе, вера – сама по себе. И вот основным качеством той новой веры, которую создает Толстой, является ее требование последовательности во всем. Жизнь теснейшим образом должна зависеть от веры. Нужно разрушать те формы жизни, которые не соответствуют вере. Верить Толстой научился у народа. Он сравнил свою жизнь с жизнью народа и ужаснулся. Он увидел труд народа и свою праздность. Он захотел исправить свою жизнь по жизни народа. «Всё, что прежде казалось мною хорошим и высоким, – говорит он в книге «В чем моя вера?», – почести, слава, образование, богатство, сложность и утонченность жизни, обстановки, пищи, одежды, внешних приемов, – всё это стало для меня дурным и низким. Всё же, что казалось дурным и низким, – мужичество, неизвестность, бедность, грубость, простота обстановки, пищи, одежды, приемов, – всё это стало для меня хорошим и высоким». Тут перед Толстым встает уже, хотя и на религиозной почве, не чисто внешний идеал: бросить прежний, праздный, развратный барский образ жизни и уйти в народ, опроститься, спуститься во внешнем обиходе до жизни простого трудового человека, мужика, рабочего. То *теоретическое* обоснование, которое получают новые воззрения Л[ьва] Н[иколаевича], – главным образом, в книге «В чем моя вера?», – сводится именно к истолкованию учения Христа не только, как имеющего «глубокий метафизический», а также «общечеловеческий», но и «самый простой, ясный, практический смысл для жизни каждого отдельного человека». «Этот смысл, – говорит Толстой в сочинении «В чем моя вера?», – можно выразить так: Христос учит людей не делать глупостей. В этом состоит самый простой, всем доступный смысл учения Христа» (гл. X).

Все изложение книги «В чем моя вера?», в сущности, и посвящено именно этому вопросу: об исполнимости учения Христа, в том чисто практическом значении, которое имеют его заповеди, и о тех невыгодах и бедствиях, как в личной, так и в общественной жизни, с которыми связано отступление от этих заповедей. «Учение Христа не может не быть принято людьми, – говорит Толстой, – не потому, что нельзя отрицать то метафизическое объяснение жизни, которое оно дает (отрицать всё можно), но по-

тому, что *только оно одно дает те правила жизни*¹, без которых не жило и не может жить человечество, не жил и не может жить ни один человек, если он хочет жить, как человек, т.е. разумною жизнью» (гл. XI).

Мы недаром подчеркиваем это утверждение Толстого о том, что только одно христианство дает «правила жизни», потому что, как мы увидим дальше, впоследствии Толстой будет утверждать прямо обратное.

Смысл учения истолковывается таким образом, что неизбежным следствием принятия учения должно явиться немедленное и полное осуществление человеком всех «правил», ведущих как его, так и все человечество к лучшей, идеальной форме жизни.

Людям, приходящим к вере, ко Христу, тут все время предлагается что-то «делать» (или чего-то «не делать», что одно и то же), т.е. быть *последовательными* во внешнем смысле. «Христос учит тому, – говорит Толстой, – чтобы люди выше всего ставили свет разума, чтобы жили сообразно с ним, *не делали бы того, что они сами считают неразумным*². Считаете неразумным идти убивать турок или немцев – не ходите; считаете неразумным насилием отбирать труд бедных людей для того, чтобы надевать цилиндр или затягиваться в корсет, или сооружать затрудняющую вас гостиную – не делайте этого; считаете неразумным развращенных праздностью и вредным сообществом сажать в остроги, т.е. в самое вредное сообщество и самую полную праздность – не делайте этого; считаете неразумным жить в зараженном городском воздухе, когда можете жить на чистом; считаете неразумным учить детей прежде и больше всего грамматикам мертвых языков – не делайте этого. Не делайте только того, что делает теперь весь наш европейский мир: жить и не считать разумной свою жизнь, делать и не считать разумными свои дела, не верить в свой разум, жить несогласно с ним».

Все содержание христианского учения рассматривается Толстым в книге «В чем моя вера?», как он сам же заявляет об этом почти с первых строк ее, с точки зрения открывшегося ему нового, чисто практического смысла евангельского положения *о непротивлении злу*. Это положение, – говорит Толстой, – «есть

¹ Курсив В.Ф.Булгакова.

² Курсив В.Ф.Булгакова.

положение, связующее всё учение в одно целое, но только тогда, когда оно не есть изречение, а есть правило, обязательное для исполнения, когда оно есть закон. Оно есть точно ключ, отпирающий всё, но только тогда, когда ключ этот просунут до замка» (гл. II). Излагая затем пять заповедей Христа (не гневайся, не прелюбодействуй, не клянись, не противься злomu и люби ближнего), Толстой раскрывает их внутренний смысл именно в теснейшей связи с основным положением о непротivлении злomu, подчеркивая, главным образом, не личное, а именно *общественное* значение каждой из пяти заповедей. Он с необычайной силой и красноречием бичует пороки современного ему общества, скрывшего, в целях морального самооправдания, заповедь о непротivлении злomu, и мечтает о том, как изменилась бы жизнь всех людей, если бы они приняли и исполняли бы эту заповедь. «Все люди будут братья и всякий будет всегда в мире с другими, наслаждаясь всеми благами мира тот срок жизни, который уделен ему Богом. Перекуют люди мечи на орала и копыя на серпы. Будет то царство Бога, царство мира, которое обещали все пророки, и которое близилось при Иоанне Крестителе, и которое возвещал и возвестил Христос, говоря словами Исаяи...» (гл. VI).

Исполнение пяти заповедей Христа не только не трудно, как говорят некоторые, но совершенно естественно и неизбежно. «Если людям показано, что им лучше делать, то как же они могут говорить, что они желают делать то, что лучше, но не могут? Люди не могут делать только то, что хуже, а не могут не делать того, что лучше» (гл. VII). «Учение Христа устанавливает царство Бога на земле. Несправедливо то, чтобы исполнение этого учения было трудно: оно не только не трудно, но неизбежно для человека, узнавшего его» (гл. XI).

И так как, говоря об исполнении пяти христианских заповедей, Толстой – автор «В чем моя вера?» имеет в виду, главным образом, именно *внешнее* их исполнение, *внешнюю* последовательность, – то он предвидит и то возражение, что «нельзя идти одному человеку против всего мира» (гл. VIII). «Если я один среди мира людей, не исполняющих учение Христа, – говорят обыкновенно, – стану исполнять его, буду отдавать то, что имею, буду подставлять щеку, не защищаясь, буду даже не соглашаться на то, чтобы идти присягать и воевать, меня оберут, и если я не умру с голоду, меня избыют до смерти, и если не избыют, то посадят в тюрьму или расстреляют, и я напрасно погублю всё счастье своей

жизни и всю свою жизнь» (гл. VIII). Автор признает, что с человеком, исполняющим учение Христа, может быть именно так, но это не вызывает в нем никакой мысли о «послаблении», хотя бы и с тем, чтобы не переставать сознавать, что поступаешь дурно. Напротив, он дает весьма суровую и непреклонную отповедь в ответ на голос какого бы то ни было сомнения или колебания. «Христос, – говорит он, – предлагает свое учение о жизни как спасение от той губительной жизни, которою живут люди, не следуя его учению, и вдруг я говорю, что я бы и рад последовать его учению, да мне жалко погубить свою жизнь. Христос учит спасению от погибельной жизни, а я желаю эту погибельную жизнь. Стало быть, я считаю эту свою жизнь вовсе не погибельной, считаю эту жизнь чем-то действительным, мне принадлежащим и хорошим. В этом-то признании своей этой мирской, личной жизни за что-то действительное, мне принадлежащее и лежит недоразумение, препятствующее пониманию учения Христа... И потому, чтобы понять учение Христа, надо прежде всего опомниться, одуматься... Всегда смерть придет раньше, чем будет окончена башня твоего мирского счастья. И если ты вперед знаешь, что, сколько ни борись со смертью, не ты, а она поборет тебя, так не лучше ли уж и не бороться с нею и не класть свою душу в то, что погибает наверное, а поискать такого дела, которое не разрушалось бы неизбежною смертью?» (Там же). И Толстой говорит, что единственным выходом для христианина является выполнение в своей жизни заповедей, данных Христом. «Я умру так же, как и все, – прибавляет он, – так же, как и не исполняющие учения; но моя жизнь и смерть будут иметь смысл и для меня и для всех. Моя жизнь и смерть будут служить спасению и жизни всех, – а этому-то и учил Христос» (Там же).

Итак, нет пути мимо прямого и буквального исполнения пяти заповедей Христа, и особенно заповеди непротivления, причем все рассуждения о «неисполнимости» и о «трудности» учения признаются совершенно неуместными и неосновательными.

Автор знает, что христианство – это «такое дело, которое спасет человечество» (гл. IV), и потому он с негодованием говорит о тех, кто называет христианский идеал – неисполнимой мечтой. «Учение Христа о непротivлении злу – мечта! – восклицает он. – А то, что жизнь людей, в душу которых вложена жалость и любовь друг к другу, проходила и теперь проходит для одних в устройстве костров, кнутов, колесований, плетей, рваньи ноздрей,

пытток, кандалов, каторг, виселиц, расстреливаний, одиночных заключений, острогов для женщин и детей, в устройстве побоищ десятками тысяч на войне, в устройстве периодических революций и пугачевщин, а жизнь других – в том, чтобы исполнять все эти ужасы, а третьих – в том, чтобы избегать всех этих страданий и отплачивать за них, – такая жизнь не мечта.

Стоит понять учение Христа, чтобы понять, что мир, не тот, который дан Богом для радости человека, а тот мир, который учрежден людьми для гибели их, есть мечта, и мечта самая дикая, ужасная...» (гл. IV).

И автор спешит нарисовать воображению читателя одну за другою картины *истинного счастья*, того счастья, которое принесет всем нам жизнь по-христиански, жизнь с исполнением пяти евангельских заповедей и заповедей непротивления. Тут – и общение с природой, и труд на земле, и семейные радости, и пр. (После эти главы из «В чем моя вера?» предприимчивыми издателями издавались не раз отдельной брошюрой, под заглавием «В чем счастье?»).

Л[ев] Н[иколаевич] не замечает как бы и противоречия с прежними своими словами о том, что смысл жизни не может заключаться в *личном счастье* человека, какое имеется несомненно в картинах живописуемого им рая на земле для исполняющих учение; и точно так же того, что подобные картины *счастья за исполнение учения*, – счастья хотя и не на небе, а на земле, – все же в значительной степени напоминают отвергнутое автором и не свойственное истинной религии понятие *награды за добрую жизнь*. Нельзя, конечно, отрицать, что такая награда, в большинстве случаев и, действительно, приходит, потому что от добра и бывает добро, а не зло, – но только ведь рассчитывать на это человеку, желающему жить доброй жизнью не для своей выгоды, а для Бога, – не приходится. Служение Богу исполнением заповедей добра так же часто несет за собой счастливую и довольную внешнюю жизнь, как и необходимость жертвы этой жизнью, ради верности высшему идеалу. Во всяком случае, какой бы то ни было *расчет* на благие внешние последствия добрых дел и доброй жизни для личности самого религиозного человека вполне исключается истинной религией из духовного обихода этой личности, и мы увидим, как настойчиво подчеркивал впоследствии, в старости, Л.Толстой эту мысль. Главное же то, что и само то благо, которое несет

добрая жизнь, имеет чисто не внешний, вещественный, осязаемый характер, а чисто духовный и отвлеченный, внутренний, в то время как внешние условия могут складываться при этом как раз наиболее неблагоприятным образом...

Вот, вкратце, тот символ веры, к которому приходит Л.Н.Толстой в начале 80-х гг. и который он помещает в конце своей книги.

«Я верю, что благо мое возможно на земле только тогда, когда все люди будут исполнять учение Христа.

Я верю, что исполнение этого учения возможно, легко и радостно.

Я верю, что и до тех пор, пока учение это не исполняется, что если бы я был даже один среди всех неисполняющих, мне все-таки ничего другого нельзя делать для спасения своей жизни от неизбежной гибели, как исполнять это учение, как ничего нельзя делать тому, кто в горящем доме нашел дверь спасения.

Я верю, что жизнь моя по учению мира была мучительна и что только жизнь по учению Христа дает мне в этом мире то благо, которое предназначил мне Отец жизни.

Я верю, что учение это дает благо всему человечеству, спасает меня от неизбежной гибели и дает мне здесь наибольшее благо. А потому я не могу не исполнять его» (гл. XII).

Глубокой искренностью звучат эти слова Л[ьва] Н[иколаевича], искренностью, отличающей и всю его замечательную книгу. Вера беспредельная, вера, не знающая границ своим порывам, вера, готовящаяся перевернуть мир, одушевляла автора во время писания этой книги.

Расширим рамки нашего исследования и припомним себе другие писания Толстого того же времени, а также развитие его собственной жизни, и мы убедимся, что ничто в них не противоречит изложенному здесь пониманию этого периода духовной эволюции Л[ьва] Н[иколаевича]. Последовательность именно как *живое дело*, как *воплощение учения* в реальной действительности выдвигается новым жизнепониманием на первый план. Толстой начала 80-х гг. весь – порыв к немедленному и полному осуществлению учения в жизни, к воплощению идеала, к коренному изменению во всех отношениях как своей, так и общей жизни.

Стоит прочесть, например, пламенную статью-воззвание Л[ьва] Н[иколаевича] «О переписи в Москве» (1882), чтобы понять, как мог он в то время воспламениться идеей немедленного

осуществления такого плана, который впоследствии вызвал бы у него лишь улыбку уверенности в том, что напрасный труд – мечтать о таких вещах...

Толстой хотел воспользоваться происходившей в то время в Москве переписью населения, чтобы войти в сношение с беднейшим населением и таким образом «устранить величайшее зло разобщения между нами и нищими и установить общение и дело исправления зла, несчастий, нищеты и невежества», или, как он еще выражался в своей статье, «к переписи присоединить дело любовного общения богатых, досужных и просвещенных – с нищими, задавленными и темными». Л[ьву] Н[иколаевичу] казалось, – как он после рассказывал в сочинении «Так что же нам делать?» (1882–1886), – что ему удастся вызвать в богатых людях сочувствие к городской нищете, найти нужных людей, собрать деньги, узнать все подробности нужды несчастных, организовать постоянную помощь им деньгами, работой, высылкой из Москвы в лучшие условия, помещением детей и стариков в приюты, удастся создать невозможность зарождения новой нищеты и нового несчастья, наконец – уничтожить совсем бедность в городе и т.п.

«Почему не думать, – писал Л[ев] Н[иколаевич] в статье «О переписи в Москве», прочтенной им, между прочим, и в заседании Московской городской Думы, – что когда-да-нибудь люди проснутся и поймут, что все остальное есть соблазн, а это одно – дело жизни? И почему же это “когда-то” не будет теперь и в Москве?.. Пускай механики придумывают машину, как приподнять тяжесть, давящую нас, – это хорошее дело, но пока они не выдумали, давайте мы подурачки, по-мужицки, по-крестьянски, по-христиански налегнем народом, – не поднимем ли? Дружней, братцы, разом!»

Л[ьву] Н[иколаевичу], одушевленному новыми альтруистическими побуждениями, хотелось и казалось вполне достижимым добиться немедленного наступления Царства Божия на земле, и именно теперь, и почему бы не в Москве, где он жил.

Но, как и следовало ожидать, грандиозный план Толстого совершенно не удался. «...Как только слушатели понимали, в чем дело, – рассказывал после Л[ев] Н[иколаевич] в «Так что же нам делать?», – им становилось как будто неловко и немножко совестно. Им было как будто совестно и преимущественно за меня, за то, что я говорю глупости, но такие глупости, про которые никак нельзя прямо сказать, что это глупости...

– Ах, да! Разумеется... Мысль ваша прекрасна... Но... у нас так вообще равнодушны, что едва ли можно рассчитывать на большой успех...»

Светские знакомые Л[ьва] Н[иколаевича], которых он думал привлечь к делу, оделись для участия в переписи в какие-то особенные охотничьи курточки и высокие сапоги и смотрели на затею оригинальничавшего графа с точки зрения милого, невинного развлечения.

Пламень Л[ьва] Н[иколаевича] не нашел пищи для себя в их пустых сердцах. Надо было сначала наполнить эти сердца горючим материалом, создать внутреннюю почву для посева, возродить человека в городских пустомелях. Но ведь этого не было сделано, и вот прекрасное зерно увяло на каменистой почве, не принеся плода.

В воззрениях и в интересах Л.Н.Толстого в 80 г., вообще, играет большую роль элемент *социологический*, в противовес элементу чисто религиозному. Возможность немедленного переустройства общества и социальных отношений, на почве нового религиозного восприятия жизни, не перестает исключительным образом занимать Толстого. Он знакомится по рукописи с сочинением крестьянина-писателя Т.М.Бондарева¹ «Трудолюбие, или торжество земледельца» и, вместе с автором, ругает за земельный труд, как за единственную, безусловно обязательную форму труда для каждого человека. В «Так что же нам делать?», он, с опасностью впасть в узкий догматизм, пытается даже дать точную схему распределения занятий на день для нормально живущего и трудящегося человека: я говорю о пресловутых «четырех упряжках», давших в свое время не мало пищи для полемики с Толстым недоброжелательно относившимся к нему критикам.

Наконец, и в личной жизни, начиная с 80-х гг., Л[ев] Н[иколаевич] пытается осуществлять принципы труда и опрощения. Блуза, которую он любил всегда, делается его несменяемым костюмом. В Хамовническом доме в Москве, а затем и в Ясной Поляне, Л[ев] Н[иколаевич] облюбовывает для себя самые скромные комнаты. В Ясной Поляне он занимается земельным трудом и личной помощью крестьянам (постройка избы вдове Анисье Копыловой²), а в Москве – сапожным ремеслом, пилкой дров с

¹ Т.М.Бондарев (1820–1898) – крестьянин, философ-самоучка, писатель.

² А.С.Копылова (1846–1928) – вдова яснополянского крестьянина А.Д.Копылова.

мужиками на Воробьевых горах и т.д. Он отстаёт от куренья, от мяса, от спиртных напитков. Светская, барская жизнь семьи, не пошедшей за ним, делается ему постылой, и он серьёзно помышляет об уходе из дому, с тем, чтобы поселиться в деревне, среди трудового народа...

Л[ев] Н[иколаевич] глубоко скорбит, что не может выполнить всех требований идеала в своей жизни, но вместе с тем этот идеал кажется ему вполне осуществимым «на деле», во внешней жизни. Он испытывает глубокое душевное раздвоение именно от сознания противоречия между признанием выполнимости и непреложности идеала и вынужденным отступлением от него в действительной жизни. Л[ев] Н[иколаевич] мучился сам от сознания этого противоречия и не мог тогда же не видеть, что оно бросается в глаза и его окружающим. И в первое время он как будто не имел, не находил выхода из этого противоречия, загонявшего его в тупик, и, в результате, не мог не поддаваться состоянию некоторого внутреннего смятения. Именно этим состоянием какого-то смятения души проникнуто известное письмо его к Энгельгардту¹ (1882), где он с великой болью душевной взывает *о помощи* к тем, кто упрекает его во внешней непоследовательности. Письмо к Энгельгардту – это крик души. Толстой, видимо, сам почувствовал, что не все благополучно в его положении и в его собственном понимании своего пути, но, ни минуты не сомневаясь в правильности общего, взятого им направления, он, с одной стороны, не желает и не может отречься от этого направления, а с другой – решительно не видит средства, как исправить дело.

«Если вы хотите быть христианином, то надо исполнять эти заповеди, а не хотите их исполнять, то не толкуйте о христианстве вне исполнения этих заповедей. Но, говорят мне, – пишет Л[ев] Н[иколаевич] – если вы находите, что вне исполнения христианского учения нет разумной жизни, а вы любите эту разумную жизнь, отчего вы не исполняете заповедей? Я отвечаю, что я виноват, и гадок, и достоин презрения за то, что не исполняю, но при том, не столько в оправдание, сколько в объяснение непоследовательности своей, говорю: посмотрите на мою жизнь прежнюю и теперешнюю и вы увидите, что я пытаюсь исполнять. Я не исполнил 1/1000, – это правда и я виноват в этом, но я не исполнил не потому, что не хотел, а потому что не умел. Научите меня,

¹ М.А.Энгельгардт (1861–1915) – журналист и публицист.

как выпутаться из сети соблазнов, охвативших меня, помогите мне и я исполню, но и без помощи я хочу и надеюсь исполнить. Обвиняйте меня, я сам это делаю, но обвиняйте меня, а не тот путь, по которому я иду и который указываю тем, кто спрашивает меня, где, по моему мнению, дорога. Если я знаю дорогу домой и иду по ней пьяный, шатаюсь из стороны в сторону, то неужели от этого не верен путь, по которому я иду? Если не верен – покажите мне другой, если я сбиваюсь и шатаюсь, – помогите мне, поддержите меня на настоящем пути, как я готов поддержать вас, а не сбивайте меня, не радуйтесь тому, что я сбился...»

Все содержание этого письма вертится вокруг вопроса об исполнении учения. Толстой считает себя отставшим в чем-то от исполнения учения, но в то же время, читая письмо, вы почувствуете, что он весь охвачен безумной, фанатической верой в то, *что он должен и что он может исполнить это учение во всей его полноте.*

Как явление совершенно новое в русской жизни, проповедь Л.Н.Толстого привлекла к себе в 80-х гг. всеобщее внимание, причем далеко не все могли одолеть в своем понимании те внутренние мотивы, которые руководствовали Толстого в его попытках построения новой веры и новой жизни. Большинство не только посторонних людей, но и «последователей» поняло чисто внешним образом стремление Л[ьва] Н[иколаевича] на землю, к труду, к «опрощению». Создался особый разряд людей, носивших русские рубахи и длинные бороды, бравшихся неумелыми руками за соху или за лопату, проповедовавших «опрощение» и непротивление, защищавших вегетарианство и очень нетерпимо относившихся к церкви, к обряду, к городской культуре и к курению табака. Людей этих не раз описывали русские литераторы в романах и в статьях, рассматривая их всегда под углом насмешливого и снисходительно-презрительного отношения, как жалких теоретиков, как своего рода недоносков, «непротивленьшей», уродливых мечтателей, у которых (как и у их учителя, – подразумевалось или объяснялось при этом) на каждом шагу «слово» расходится с «делом».

Тип «толстовца», в ходячем представлении людей, почти никогда не читавших религиозно-философских статей Л.Н.Толстого и почти всегда судивших о Толстом и его учении только понаслышке, мало-помалу утвердился и в литературе, и в обществе.

Надо сознаться, что многое в представлении об этом типе было и верно. Другой вопрос, насколько виновен был сам Толстой – и в том, что воображалось о «толстовцах», и в том, что было в них, действительно, отрицательного, т.е. узкого, сектантского и фанатического. Близкое знакомство с духовным обликом великого основателя нового мировоззрения исключает, как кажется, всякую возможность обличения его в сектантстве и в узости, но я все же думаю, что тот естественный, быть может (под влиянием первых впечатлений и настроений духовного обращения), уклон в сторону прямолинейных требований внешнего воплощения идеала, какой так или иначе сказался в самом Л[ьве] Н[иколаевиче] в 80-х гг., все же не мог остаться без влияния и на развитие учения среди первых последователей.

Судя по воспоминаниям близких Л[ьва] Н[иколаевича], – наприм[ер], дочери его Т.Л.Сухотиной¹, с которой я нарочно говорил об этом в Ясной Поляне уже в 1921 г., когда она могла судить о прошлом вполне объективно, – Л[ев] Н[иколаевич] в периоде 80-х гг. хотя и подсмеивался сам над узкими «толстовцами», лишь внешним образом подходившими к его мировоззрению, но все же вокруг него господствовал такой дух, что, например, дочери и единомышленницы его Татьяна Львовна и Мария Львовна² были вполне убеждены, что не пройдет и десятка лет, как войны, мясоедение, водка и проч[ие] пороки, губящие человечество, исчезнут с лица земли под влиянием все распространяющейся проповеди Л.Н.Толстого. Сам Л[ев] Н[иколаевич], по воспоминаниям Т[атьяны] Л[ьвовны], в то время отличался большой нетерпимостью к инакомыслящим, в частности к православным, и для него самая принадлежность к обличаемому или отрицаемому им классу была уже как бы препятствием для того, чтобы непринужденно и свободно обратиться с таким человеком. Поп, светская женщина – это было уж как бы клеймо, которое мешало суровому пророку видеть в человеке только брата. Не было настоящего отношения равенства к людям по их духовному достоинству.

Для меня лично эти воспоминания Т[атьяны] Л[ьвовны], насколько ни в ее, ни в моих глазах не роняющие Л[ьва] Н[иколаевича], – страшно важны: важны постольку, поскольку они позволяют точно и ясно разобрать все ступени последовательной духовной эволюции Л.Н.Толстого.

¹ Т.Л.Сухотина-Толстая (1864–1950) – старшая дочь Л.Н.Толстого, автор воспоминаний: «Моя мать», «Моя бабушка», «Толстой и детство».

² М.Л.Толстая-Оболенская (1871–1906) – дочь Л.Н.Толстого.

Впоследствии все те черты, о которых говорит Т[атьяна] Л[ьвовна], были изжиты Л[ьвом] Н[иколаевичем], но, во всяком случае, то, что могло быть лишь временным явлением у самого основателя учения, – в грубом понимании невежественного в духовных вопросах общества и даже части наиболее поверхностных или незрелых последователей приняло уже гораздо более серьезную форму коренной, грубой ошибки.

В конце концов, к «толстовству» – учению, вытекшему из самых идеальных, возвышенных требований и побуждений, стали прилагать эпитеты узко-материального, грубо-утилитаристического миропонимания, а это уже совсем не верно. Между тем, взгляд этот успел укорениться в значительной части образованного общества и, например, известный композитор Лядов¹, человек своеобразный и много думавший о Толстом, высказал о нем не одну только свою мысль, но мысль очень многих: «Он – человек “живота”, а не духа. И Бог, и искусство для него должны быть только полезны». Мы знаем теперь, что подобный взгляд основан был на непонимании, на недоразумении, но, значит, было же что-то в Толстом и в «толстовстве», что питало это непонимание и недоразумение. Ведь если бы это было *только непонимание* высоты «толстовского подвига» – непонимание самого Толстого-пахаря и последователей его на разных ступенях «опрощения», – так сказать, злостное непонимание, – то почему же подвиг Христа и сущность христианского, хотя бы даже церковно-христианского мировоззрения никем не были и не могли быть истолкованы, как основанные на утилитаристической и материалистической подкладке? Напротив, тут возможны были, скорее, упреки в излишнем идеализме, в аскетизме, полной отрешенности от житейских интересов. А ведь, если разобраться, то окажется, что внутреннее зерно, из которого выросли религии Христа и Толстого, абсолютно одно и то же. Очевидно, в первоначальном фазисе «толстовства» было что-то, что могло давать пищу и повод к упрекам по адресу нового жизнепонимания именно в духе лядовского изречения.

Вот этот-то «утилитаризм», ложный или действительный, этот догматизм, позволявший смотреть на «толстовство», как на вполне определившееся и замкнутое в своем узком русле сек-

¹ А.К.Лядов (1855–1914) – композитор, дирижер и педагог, профессор Петербургской консерватории.

тантское течение, это стремление к внешнему воплощению идеала во что бы то ни стало – в дальнейшем развитии мировоззрения Л.Н.Толстого совершенно отсутствуют, и не только отсутствуют, но мы на каждом шагу слышим убедительно-предостерегающий против них, проникновенно глубокий голос Толстого. Точно также и историческое «толстовство» меняет свои формы и задания.

Что такое утверждение не голословно и что, действительно, мировоззрение Л[ьва] Н[иколаевича] эволюционировало уже за время от написания им (в начале 80-х гг.) первых религиозно-философских произведений, а главное, что Толстой сам это создавал, – показывает хотя бы следующее место в его письме к В.В.Рахманову¹, написанном в феврале 1891 г.: «Не думайте, что я защищаю прежнюю точку зрения “В чем моя вера?”».

Я не только не защищаю, но радуюсь тому, что вы пережили ее. – Вступив на новый путь, нельзя не обрадоваться тому, что первое увидал впереди себя. И простительно принять то, что на начале дороги, за цель пути. Но, подойдя ближе и только благодаря тому, что видел сначала, нельзя не радоваться, что увидал впереди бесконечную, светлую даль».

В чем же заключается последняя и наиболее замечательная фаза духовной эволюции Толстого, – фаза, которая и составляет теперь в наших глазах его *подлинную*, духовную физиономию?

¹ В.В.Рахманов (1865–1918) – врач, автор статей по вопросам воспитания и медицины.

V

Труднее всего – точно обозначить те мотивы, которые служили стимулом для Л.Н.Толстого в этом новом поступательном движении его духовного «я», – хотя, в сущности, мы не можем не видеть, не чувствовать этих мотивов достаточно ясно.

Как и передавала Татьяна Львовна, Л[ев] Н[иколаевич] сам «подсмеивался» над «толстовцами», которые слишком узко и буквально понимали его призывы к внешнему «опрощению» и к коренной внешней ломке жизни. Но, помимо шуток, Толстой не мог не видеть того, что когда такая ломка происходила без достаточной внутренней подготовки, то она отражалась зачастую губительно на этих неопитах провозглашенного им учения. В самом деле, были случаи, когда разочаровавшиеся в «новой жизни» наиболее последовательные, – по крайней мере, с внешней стороны, – из «толстовцев» – уходили от захватившего было их учения, иногда возвращались в лоно православия, иногда пускались слепо и наудачу в житейское море, ударяясь при этом, как говорится, «во все тяжкие», или же, наоборот, не будучи в силах вынести взятый на себя слишком тяжелый крест духовного подвига, кончали с собой (как, например, бывший паж и аристократ Леонтьев в Полтаве). Л[ев] Н[иколаевич] не мог не чувствовать на себе ответственности за судьбу этих лиц и за то влияние, которое производила его проповедь. Он и позже, в 1908 г., говорил об этом, при случайном напоминании ему об одном *бывшем* «толстовце»:

«Всегда страшно бывает за таких людей, которые сразу так горячо берутся: и имение роздал... А после, если у него не хватит сил, он не будет обвинять себя, а будет обвинять то учение, которое он хотел исполнять: будет говорить, что оно неисполнимо...»¹

¹ «Записки» Н.Н.Гусева, 18 сентября 1908 г. – *Примечание В.Ф.Булгакова.*

И возможно, что именно вследствие сознания этой ответственности, он сделался чрезвычайно осторожным в своих призывах к внешнему изменению жизни, настаивая, с течением времени, все больше и больше на необходимости внутренней, духовной подготовки, духовной работы над собой, внутреннего самосовершенствования, как основы всякого твердого и действительного движения вперед.

То же самое должен был подсказать Л[ьву] Н[иколаевичу] и его собственный духовный опыт, многожды проверенный им как на самом себе, так и на других религиозных мыслителях, писателях и деятелях, в сочинения и жизнеописания которых он углублялся все более и более. Первый жар, охвативший Толстого после новых откровений религии, когда он, по его словам, «был ослеплен» тем светом истины, который открылся ему, и когда казалось так легко и просто, и радостно передать свою веру другим, захватить ею всех людей и обновить лицо мира, – прошел. На пути проповедника новой веры и глашатая всеобщей реформации обильным цветом выросли тернии и колючки, в виде непонимания, насмешек со стороны близких и далеких, глумления, оскорблений, прямой ненависти и т.д., и т.д. Походка нового борца за истину и благо людское невольно сделалась более осмотрительной. Он проверял малейшее свое движение и хотя, проверяя, приходил лишь ко все большему и большему утверждению в открывшихся ему истинах и убеждениях, – но все же остерегался впасть впросак, в ошибку на каждом шагу.

И это было великим уроком, великим испытанием для Толстого. Учась презирать мнение других, хотя и извлекая из него все нужное для себя и для своего внутреннего роста («радуйся, когда тебя ругают», – говорил он), он в то же время постоянно прислушивался к своему внутреннему голосу – судье более чуткому, чем все земные судьи, и более строгому и нелицеприятному, чем они. Необходимость прежде всего внутренней, духовной работы над собой и над обузданием своих страстей, необходимость более высокой оценки внутреннего, нравственного *усилия* в деле духовного, а значит, и внешнего движения вперед, – выяснялась для Л[ьва] Н[иколаевича] все с большей и большей очевидностью и несомненностью. Можно сказать даже, что он всегда понимал их значение (какая же могла быть в нем религиозная жизнь, без понимания их значения?), но, чем дальше, тем больше в своем на-

копляющемся религиозном опыте, он стал понимать всю *исключительность* их значения, – исключительность важности одного такого *духовного момента*, перед которым бледнеют все внешние дела.

Уже в 1893 г., в статье «К вопросу о свободе воли», Л[ев] Н[иколаевич] с полной ясностью выразил то, о чем мы говорим:

«По учению Христа, человек, который видит смысл жизни в той области, в которой она не свободна, – в области последствий, т.е. поступков, не имеет истинной жизни. Истинную жизнь, по христианскому учению, имеет только тот, кто перенес свою жизнь в ту область, в которой она свободна, – в область причин, т.е. познания и признания открывающейся истины, исповедания ее и потому неизбежно следующего (как воз за лошадь) – исполнения ее...

Царство Божие усилием берется и только делающие усилие восхищают его, и это-то усилие, которым берется Царство и которое должен и может сделать каждый человек, состоит не в каких-либо внешних делах, а только в признании и исповедании истины каждым отдельным человеком.

Пренебрегая сущностью истинной жизни, состоящей в признании и исповедании истины, и напрягая свои усилия, для улучшения своей жизни, на внешние поступки, люди подобны людям на пароходе, которые для того, чтобы дойти до цели, заглушили бы паровик, мешающий им разместить гребцов, и в бурю старались бы, вместо того, чтобы идти готовым уже паром, грести недостающими до воды веслами.

Стоит людям только понять это: перестать заботиться о делах внешних и общих, в которых они несвободны, а всю ту энергию, которую они употребляют на внешние дела, употребить на то, в чем они свободны, – на признание и исповедание той истины, которая стоит перед ними, на освобождение себя и людей от лжи и лицемерия, скрывающих истину, – для того, чтобы не только каждый отдельный человек достиг высшего доступного ему блага, но чтобы осуществилась хоть та первая ступень Царства Божия, к которой уже готовы люди по своему сознанию».

Сообразно с этим, Л[ев] Н[иколаевич] устанавливает твердый взгляд на христианство и на религию вообще не как на кодекс внешних правил и предписаний, имеющих в виду достижение определенных внешних целей, а как на мирозерцание, просвещающее и обновляющее прежде всего внутренний, духовный

строй человека и сообщающее его жизни высший, неуничтожимый, радостный смысл.

Он подробно говорит об этом в письме к И.Ф.Наживину¹ от 17 марта 1904 г.:

«Я думаю, что вы ошибаетесь, полагая, что христианство, т.е. религия, имеет какие-либо внешние цели и что о нем можно судить по мере достижения или не достижения этих представляющихся нам общих целей. Христианство, истинное христианство, по моему мнению, тем и отличается от религий, кот[орые] можно называть общественными, как католичество, православие, магометанство, я думаю даже конфуцианство, что оно обращается к душе каждого отдельного человека, для каждого отдельного человека разрешает его вопрос жизни, указывает ему его назначение, состоящее в исполнении воли Бога, в слиянии с ней своей воли, в служении для Бога Богу и людям и тем дает ему спокойствие и благо.

Правда, что одним из невольных подтверждений христианской истины и как бы маленькое поощрение к ней состоит в том, что исполнение воли Бога лучшее, что может сделать для себя человек, – вместе с тем и осуществляет Царство Божие (Царство Божие внутри вас есть), но сущность христианства и то, что привлекает к нему и дает истинное благо, не в этом внешнем осуществлении Царства Божия, кот[орое] никогда вполне не осуществится, к к[оторому] человечество всегда будет приближаться (как асимптота к кривой), а в том, что жизнь человека в этом мире в короткий срок этой жизни получает вечный, радостный смысл».

Из письма к Рахманову мы уже видели, что тут была наличность *движения*, наличность эволюции – в человеке в сущности уже сложившемся в определенный религиозный тип. Из дальнейших выдержек из писаний Толстого мы яснее поймем, какая собственно ступень была им еще тут пройдена, в чем он, как религиозный мыслитель, поднялся еще выше в своем внутреннем росте, заглянул еще глубже в самую сущность религиозной истины.

В одном и том же году, именно в 1902, Толстой сам *дважды* сделал попытку набросать те ступени пройденной им духовной эволюции, *уже после самостоятельного его приобщения к христианству* (т.е. с 80-х гг.), о которых я собираюсь здесь говорить

¹ И.Ф.Наживин (1874–1940) – писатель.

и точное выяснение которых считаю чрезвычайно важным для правильного понимания мировоззрения Толстого.

В первый раз Л[ев] Н[иколаевич] обозначает пройденные им ступени духовного развития в своем дневнике 1902 г. Вот эти ступени:

- «1) Восторг познания истины.
- 2) Желание и надежда сейчас осуществить ее.
- 3) Разочарование в возможности осуществить ее в мире, надежда осуществить ее в своей жизни.
- 4) Разочарование и в этом, и отчаяние.
- 5) Все для души, не заботясь о последствиях».

Вторично Л[ев] Н[иколаевич] перечисляет те же ступени, но с некоторыми вариациями (именно – с введением после «разочарования» «компромиссов») в письме от 13 декабря 1902 г. к своему единомышленнику болгарину Г.Шопову¹.

Вот что писал ему Толстой:

«Мне очень приятно видеть ваш энтузиазм и живую надежду на скорое торжество истины, но, пройдя уже тот путь, который вы проходите, мне хочется сказать вам о тех опасностях, кот[орые] встречаются на этом пути. Я, по крайней мере, с тех пор, как родился к новой истинной жизни, прошел следующие ступени:

- 1) Восторг познания истины.
- 2) Желание и надежда осуществить ее сейчас.
- 3) Разочарование в возможности быстрого осуществления истины во внешнем мире и надежда осуществить ее в себе, в своей жизни.
- 4) Разочарование в возможности осуществления ее даже в своей жизни.
- 5) Попытки примирения истины с мирской жизнью, компромиссы.
- 6) Отвращение перед компромиссами и отчаяние или хотя сомнение в истиннос[ти] учения.

и 7) наконец, сознание того, что ты не призван изменить мир во имя истины, не можешь даже в своей жизни осуществить истину, как бы тебе хотелось, но можешь, не заботясь о том, что делается в мире (это делает Бог), не заботясь и о том, насколько

¹ Г.С.Шопов (1880–1932) – болгарский писатель, издатель, корреспондент Л.Н.Толстого.

ты представляешься последовательным людям, можешь, по мере своих сил, перед Богом осуществлять истину, т.е. исполнять Его волю.

И это одно дает полное спокойствие. Ступени эти, мне кажется, проходит каждый человек, возрождаясь к жизни. И опасности на каждой из этих ступеней вы увидите сами».

То, о чем пишет Л[ев] Н[иколаевич], находится как раз в соответствии с тем, о чем мы говорили.

Таким образом, следуя за ходом мысли Л.Н.Толстого, мы могли бы для большей отчетливости представить себе сущность последнего фазиса его духовного развития по следующей схеме:

- 1) Идеал недостижим;
- 2) Свобода – только в области духовной;
- 3) Всякое движение и всякий прогресс в материальной области, в области внешних изменений основателен и законен только в том случае, когда он является результатом изменений во внутренней, духовной области;
- 4) Внешние поступки сами по себе безразличны, важно то духовное состояние, которое их порождает.

Беря самое широкое и общее определение, можно сказать, что Толстой пришел к признанию, к утверждению (если можно только допустить такое выражение) **религиозного субъективизма**. Он поставил центром бытия духовную жизнь человеческой личности в ее непрерывающей связи с Богом, как высшим духовным началом, – другими словами: *человека*, в высшем и лучшем значении этого слова.

Все дальнейшее религиозное – и даже, говоря общее, *духовное* – творчество Толстого заключается именно в развитии тех основных точек зрения, которые мы здесь наметили. *Вне этих точек зрения* Толстой, как религиозный тип, как мыслитель, как основатель нового учения, не постигается.

Этот последний, вполне обоснованный Толстым фазис его духовной эволюции и представляет по всей справедливости его *подлинную духовную физиономию*, с которой он предстает перед историей мысли – для нас, и перед Богом – для своей души.

Поэтому нельзя не считать достаточно важным и необходимым подробное и точное уяснение религиозно-нравственного жизнепонимания Л.Н.Толстого, как оно сложилось у него в последние годы его жизни, и работы его мысли. Такое уяснение одно только может устранить тысячи кривотолков и пустых пере-

судов о Толстом, как мыслителе, и разбить те ложные суждения о нем, которые приходится встречать на каждом шагу.

Особенно же важно такое уяснение для тех, кто ближе подходит внутренне к работе мысли Л[ьва] Н[иколаевича], кто чувствует в нем силу, хотя и более могучую, но родственную, и стремится слиться с ней, понять ее. Наверное, возможность избежать при этом неправильного толкования Толстого спасет многих из тех, кто приходит к нему за живой водой, от ненужных ошибок и разочарований.

Тут на помощь нам должна прийти, между прочим, та громадная переписка, которую вел Толстой. В ней охотнее всего, простосердечно и откровенно, обращаясь душа в душу к своим корреспондентам, высказывает он то, что было самого дорогого, самого глубокого и самого задушевного в его сокровенных убеждениях. По письменным ответам Л[ьва] Н[иколаевича] своим корреспондентам, на протяжении от 90-х гг. и до 1910 г., особенно удобно проследить, как постепенно складывалось у него то духовное понимание жизни, с которым он и ушел в могилу.

Наиболее полно и последовательно Л.Н.Толстой выразил это жизнепонимание в своем последнем большом труде, составленном в последний год его жизни, под названием «Путь жизни». Нам придется остановиться и на характеристике этого сочинения, представляющего к тому же *единственную* попытку *систематического* изложения Толстым своего учения.

VI

Насколько серьезное значение придавал Л[ев] Н[иколаевич] правильному пониманию открывшегося ему духовно-нравственного по преимуществу мировоззрения – видно, например, из следующих слов его в письме к Е.И.Попову¹, еще от 20 июня 1894 г.: «Думаю постоянно, хотя и не пишу теперь, об изложении, главное, о самом учении жизни, о самой сущности его, и очень рад, что занялся этим: всё яснее и яснее мне становится то, что только единое на потребу – одно нужно: блюсти в себе свое божественное я и растить его, с тем, чтобы перенести его в другую жизнь возвращенным, – след же, который он оставил в этой жизни, есть только неизбежное последствие этого возвращения, *совершенствования*². Я боюсь, что это покажется словами только: для меня это дело, не только дело, но и единственная связь моя с жизнью».

Убеждение в недостижимости внешнего идеала, приобретающее громадное значение в мировоззрении Толстого, в то время уже ясно сложилось в душе Л[ьва] Н[иколаевича]. Так, в письме к В[оробье]ву³ от 2 февраля 1890 г. он пишет: «Каждый из нас, познав истину, застаёт себя в известном далеком от истины мирском положении, в связях, узлами завязанных и мертвыми петлями нашими грехами, затянутых связях с людьми мира. И человеку, познавшему истину, прежде всего представляется, что главное, что он должен делать, состоит в том, чтобы сейчас же, во что бы то ни стало, выйти их тех условий, в которых он находится, и поставить себя в такие условия, находясь в которых

¹ Е.И.Попов (1864–1938) – педагог и переводчик, друг и последователь Л.Н.Толстого.

² Курсив В.Ф.Булгакова.

³ Е.Н.Воробьев (1852–1914) – в 1890 г. был начальником станции Деконской Донецкой железной дороги.

бы ясно видно было людям, что я живу по закону Христа, и жить в этих условиях, показывая людям пример истинной христианской жизни. Но это не так: требования совести не состоят в том, чтобы быть в том или другом положении, а в том, чтобы жить, не нарушая любви к Богу и ближнему. Христианин всегда будет стремиться к чистой от греха жизни, всегда изберет такую жизнь, если для достижения ее не будут требоваться от него дела, нарушающие любовь; но дело в том, что никогда человек не бывает так мало связан своими и чужими грехами с прошлым, чтобы быть в состоянии, не нарушая любви к Богу и ближнему, сразу вступить в такое внешнее положение».

Мы знаем, что этот взгляд остался у Л[ьва] Н[иколаевича] непоколебимым до конца. В 1910 г. он писал М.Н.Яковлевой¹ (в письме от 18 мая): «Истинный идеал религии, истинной религии, – он же идеал христианства, – тем и велик, что он так велик, что человек в теле никогда не может достигнуть его, а между тем, может всегда, во всех условиях постепенно приближаться к нему... Отчаяние религиозных людей в том, ч[то] они не могут вполне осуществить в своей жизни того идеала, к[оторый] представляется им, происходит от заблуждения о том, что требования учений не в *усилиях приближения к идеалу*, а в полном осуществлении его в своей жизни».

Отсюда ясно, что, собственно, никакое внешнее положение не может быть полным разрешением стремлений человека к совершенствованию. Совершен только один Бог. Важно лишь, чтобы человек не терял из виду тех внутренних побуждений, которые вызывают в нем стремление к совершенствованию.

«По моему мнению, – пишет Л[ев] Н[иколаевич] Л. Тонилову², 8–21 января 1909 г., – жизнь человека, желающего жить по учению Христа, никак не может проявляться в каком-нибудь одном известном положении в жизни, как, например, жизни в общине, жизни в рабочих у крестьянина, жизни пустытника, или какой бы то ни было форме жизни. *Всё дело в том духовном состоянии, в котором находится человек, и в той работе, которую он производит над собой для того, чтобы осуществить в жизни ту истину, ради которой он живет*³...

¹ М.Н.Яковлева (1891–196?) – поэтесса, детская писательница, переводчица.

² Л.В.Тонилов (1873–1920) – полтавский крестьянин-странник, последователь Л.Н.Толстого.

³ Курсив В.Ф.Булгакова.

Даже, что касается одной внешней, имущественной стороны, хорошо вспомнить слова Иоанна Крестителя о том, чтобы у кого две одежды, тот отдай одну тому, у кого нет (я бы прибавил, что и у кого одна одежда, отдай ее тому, кто более зябок). По этим словам можно ясно видеть, что конца самопожертвованию не может быть никакого... И потому оценка достоинства внешних поступков не имеет никакого значения; и даже никак нельзя сказать, что та краюха хлеба, которую разделил с нищим такой же нищий, есть большее добро, чем тот миллион, который отдал богач из своих ста миллионов на какое-нибудь дело.

Всё дело – во внутреннем, духовном усилии, а про него знает только Бог¹».

Эту тему, о том, что внешняя жизнь не может служить действительным и полным выражением высших духовных требований человека, Л[ев] Н[иколаевич] с особенным вниманием и проникновенностью развивает в целом ряде глубоких и прекрасных писем, идущих у него, видимо, от самой души.

Так, 22 марта 1890 г. он пишет Н.Н.Г[е]²: «...Для того, чтобы жить, надо непременно идти вперед в таком деле, в котором нет конца и в совершении которого нет помехи. И такое дело есть только одно: совершенство любви. Работа же, известное положение есть только в *известном случае* последствие в любви... Опасное дело и самое обычное. Молитва, следствие стремления обращения к Богу, самое законное действие, ставится целью, и является богослужение, убивающее нравственную жизнь; милосердие, помощь ближнему, как следствие любви к Богу, – самое законное действие, становится целью, и является филантропизм. Бедность, нищета, отсутствие собственности, как последствие непротивления насилием и отречения от обеспечения, – самое законное состояние, ставится условием, целью, и является формальная бедность буддистов, монахов. То же и с работой. Если она, последствие отречения от обеспеченности и желания служить другим, становится целью, – она непременно приведет к заблуждению.

Главное же, главное, душа в душу говорю вам, милый друг: единственная цель бесконечная, радостная, всегда достижимая и достойная сил, данных нам, это увеличение любви. Увеличение

¹ Курсив В.Ф.Булгакова.

² Н.Н.Ге (1857–1940) – учитель, сын художника Н.Н.Ге, друг семьи Л.Н.Толстого.

же любви достигается одним определенным усилием: очищением своей души от всего личного, похотливого, враждебного. “Душа человека христианка”, т.е. ей не только свойственно, но сущность ее есть любовь, и потому, чтобы усилить, увеличить любовь, надо только очищать, шлифовать ее, как стекло, собирающее лучи. Насколько будет шлифованнее и чище, настолько будет сильнее пропускать и изливать свет и тепло любви. И этому делу нет конца, нет препятствий, нет пределов радости и нет ничего доброго, того, что должен человек сделать, что бы не входило частью в это дело, т.е. в дело очищения души, и, вследствие того, увеличения любви».

В цитировавшемся уже письме к В[оробье]ву, от 2 февраля 1890 г., Л[ев] Н[иколаевич] пишет: «Дело христианина не в каком-нибудь известном положении: в положении земледельца и т.п., а в исполнении воли Бога. Воля же Бога в том, чтобы на все требования жизни отвечать так, как того требует любовь к Богу и людям. И потому определять близость или отдаленность себя и других от идеала Христа никак нельзя по тому положению, в котором находится человек, а по тем поступкам, которые он совершает».

Толстого, самолично взявшегося за соху после происшедшего в нем душевного перелома и стремившегося разрешить для себя самого то противоречие между христианскими убеждениями и барской жизнью, в котором он находился, вероятно, особенно часто спрашивали о том, не разрешает ли, по его мнению, земельный труд всех вопросов жизни и не является ли он безусловно обязательным для каждого человека во всех положениях, и Л[ев] Н[иколаевич] отвечал на это так:

«Физический труд, как разрешение вопроса о жизни, – писал он Е.И.Попову в апреле 1889 г., – разумеется, что это нелепость, разумеется, что не род труда, не самый труд даже, а то, во имя чего трудишься, разрешает вопрос. Вы говорите: во имя сострадания, любви. Но и тут сами себе возражаете и видите возможность такого положения, при котором некого жалеть, любить, не на кого трудиться, или есть кого жалеть и любить и нельзя трудиться. Стало быть, может быть положение, в котором жизнь бессмысленна, и есть бесцельное страдание, от которого разумнее избавиться, как и говорили стоики. Всё это совершенно справедливо, но только при определении смысла жизни в труде во имя любви. Но это не полное и не Христово определение. Христово

определение есть исполнение воли Отца; исполнение этой воли при условиях чистоты, смирения и любви.

В чем воля? На этот вопрос иногда, когда человек ясно сознает ту роль, которую он играет в содействии установления Царства Божия на земле, есть прямо несомненный ответ в душе; иногда, когда нет такого ответа, стоит только соблюдать условие чистоты, смирения и любви (т.е. не предаваться похотям всякого рода, не искать одобрения людей и не иметь враждебного чувства ни к кому) и сама жизнь – сама плотская жизнь в труде или вынужденной праздности будет исполнением воли Бога».

И.Б.Файнерману¹ Л[ев] Н[иколаевич] пишет о том же в декабре 1890 г.: «Принципом даже не может быть то, чтобы работать хлебную работу, как говорит Бондарев.

Принцип наш один, общий, основной – любовь, не словом только и языком, а делом и истиною, т.е. трагую, жертвою своей жизни для Бога и ближнего».

Ссылка на Бондарева здесь приобретает особенное значение, потому что всего только три или четыре года тому назад (именно в 1888 г.) Л[ев] Н[иколаевич] восторженно и без оговорок приветствовал статью Т.М.Бондарева «Трудолюбие, или торжество земледельца», где говорилось: «Хлебный труд есть священная обязанность для всякого и каждого, и не должно принимать во внимание никаких отговорок. Мы должны каждый для себя работать хлеб своими руками, несмотря ни на какое богатство или достоинство, кроме уважительных причин, как то: болезнь, дряхлая старость, отсутствие, не терпящее никаких отлагательств, и т.п.». Сам Л[ев] Н[иколаевич] писал тогда в предисловии к статье Бондарева: «Участие всех в хлебном труде и признание его головой всяких дел людских делает то, что сделал бы человек с телегою, которую глупые люди везли бы вверх колесами, когда бы он перевернул ее и поставил бы на колеса...

Такова вполне разделяемая мною мысль Бондарева».

Некоторое противоречие между письмами, написанными в 1889 и в 1891 гг., и предисловием к статье Бондарева, написанным незадолго перед тем, объясняется, по-видимому, тем, что, несмотря на исключительное увлечение Л[ьва] Н[иколаевича] идеями мужика-писателя о труде, он в глубине души не мог вполне встать

¹ И.Б.Файнерман (1863–1925) – публицист, писатель и кинодраматург, последователь Л.Н.Толстого.

на чисто внешнюю точку зрения Бондарева, видящего в хлебом труде основной закон жизни, начало всякого добра и избавление от всех зол, как для человека, так и для общества. И вполне естественно, что Л[ев] Н[иколаевич], с его широким и всеобъемлющим умом, не мог вскоре же не сделать нескольких «нотабене» к своей первой, горячей оценке бондаревской статьи, и такими «нотабене», значительно ограничивающими его прежний взгляд, являются написанные уже в самом конце 80-х и в начале 90-х гг. письма Попову и Файнерману.

Позже, и особенно в последние годы жизни, Л[ев] Н[иколаевич] не раз подчеркивал, что земельный труд ни в коем случае не может считаться *по принципу обязательным* для всех людей. В земельном труде, как и вообще во всяком труде самом по себе, еще нет ничего такого, что бы основным образом разрешало для человека все вопросы жизни. Разумеется, здоровый человек, если перед ним не стоят какие-либо исключительные задачи «в содействии установления Царства Божия на земле», всегда предпочтет трудовой образ жизни не трудовому, но в то же время не нужно забывать, что можно и ведя трудовой образ жизни быть великим грешником, и, наоборот, стоя почему-либо в стороне от физического труда, успешно бороться с грехами и соблазнами, служа примером и другим людям.

Это убеждение Л[ев] Н[иколаевич] с необыкновенной яркостью выразил незадолго до смерти в двух своих письмах близкому своему знакомому и во многом единомышленнику, крестьянину Тульской губ[ернии] М.П.Новикову¹, жаловавшемуся на то, что когда он проводит свою жизнь в труде, он все же нуждается материально и «желудок его наполнен непитательной пищей», а люди праздные, бары – сыты и «проезжают мимо его на сытых лошадях, а собака их приказчик брешет на народ» и т.д. Толстой – в ужасе от тех чувств озлобления на богатых, скрытой зависти к ним и гордости за себя, как работающего на земле, – которые он находит в письме Новикова. Сначала, под влиянием невольного раздражения, он думает осудить Новикова, доказать ему его неправду, но потом, вникнув в те мотивы, которые могли руководить его корреспондентом-крестьянином, он испытывает к нему только глубокое сострадание, – но не за то положение, на которое жалуется сам Нови-

¹ М.П.Новиков (1871–1939) – крестьянский писатель.

ков, а за те «ужаснейшие, мучительнейшие чувства», которые тот должен при этом испытывать.

«Сострадаю и тем бесполезно-мучительным чувствам, – пишет Л.Н.Толстой (4 сентября 1907 г.), – и, главное, тому душевному состоянию и умственному извращению, при которых возможны и даже неизбежны эти ужасные чувства, ничего кроме бесполезного страдания не доставляющие: чувства ненависти к людям-братьям из-за зависти к тем материальным преимуществам, которыми они случайно пользуются...

Душевное же приводящее вас к этому состоянию чувство, которое и вызывает во мне сострадание к вам, это то полное неверие в духовную, т.е. истинную жизнь, которое вы много раз, как нечто очень вам дорогое, высказываете в вашем письме. Вы несколько раз, как бы довольные своим открытием, как бы подсмеиваясь, как о деле решенном, говорите о неверности, глупости мысли о том, что “не хлебом одним сыт человек”. А между тем, именно оттого, что вы не верите в это, не верите в жизнь духовную, не верите в обязательность требований духовной жизни, не верите в Бога, от этого и ваши страдания и ваше несчастье. Вы, между прочим, пишете, что вы испытываете некоторые неудобства от того, что вы “нововер”. Я думаю, что вы не нововер, а вы невер. То, чтобы хоронить детей без услуг духовенства, не поститься, не ходить в церковь не есть вера: у вас есть отрицание предрассудков старой веры, а нет веры. И в этом, в том, что вы не верите в духовное начало жизни и в его требования, в этом ваше несчастье, а несколько не в недостатке земли и в неправильности экономического устройства.

Если бы верили в это духовное начало жизни и в обязательность его требований, вы бы не считали, как вы это теперь считаете, первым и неизменным условием вашей жизни то, чтобы устроить и поддерживать свое отдельное хозяйство на земле. Если бы вы не верили в необходимость именно такой жизни, а верили бы в то, что жизнь ваша есть проявление в вашей ограниченной форме в этом мире того внепространственного, вневременного начала всего, которое вы сознаете в себе, и что не только главная, но единственная, свойственная вам жизнь и деятельность есть стремление к единению со всем живущим, т.е. любовь, тогда вы бы не устраивали, как теперь, свою жизнь по составленной и излюбленной вами лично программе (хотя программа эта и хороша), но, исполняя волю Высшего Начала, предоставили бы судь-

бе, обстоятельствам поставить вас в те или иные условия. Может быть, исполняя высший закон любви ко всем, вы бы остались в любимых вами условиях, может быть, пришлось бы вам совсем иначе устроить вашу жизнь; но как бы она ни устроилась, во всех условиях вы бы тогда, исполняя высший закон любви, наверное поступили бы наилучшим образом и, любя, а не ненавидя людей, нашли бы истинное благо».

И ту же самую мысль, но в еще более подчеркнутой и категорической форме, не боясь быть уличенным в жестоком противоречии, выразил Л[ев] Н[иколаевич] в другом письме к тому же М.П.Новикову, от 17–20 августа 1908 г.: «...Если бы мне предоставлен был выбор из двух положений: хоть того, в котором я нахожусь теперь, т.е. жизни в развращающей и незаконной роскоши, хотя бы я и осуждал ее, как я и делаю, чему многие очень естественно не верят, или даже жизни человека, живущего в этой развращенной и развращающей среде богатых, каждым шагом жизни своей пользующихся трудами угнетенных и задавленных людей и не чувствующего этого и добродушно веселящегося в привычных ему условиях, – или жизни самого трудового человека, едящего хлеб своих трудов и не только не пользующегося чужими, но отдающего свое в пользование другим, но вместе с тем исполненного зависти и ненависти, возбуждаемой в нем и частым общением с теми людьми, которые угнетают его, – я бы ни минуты не задумался избрать первое. *Хорошо быть эксплуатируемым, но не эксплуататором, но хорошо это тогда, когда совершается это во имя покорности воле Бога и любви к людям; но когда это же совершается помимо покорности воле Бога, во имя ненависти к людям, удерживаемой только невозможностью приложить ее, то положение эксплуатируемого в тысячу раз хуже. Всё дело не во внешних условиях, а в том духовном отношении к тем или иным условиям. Дороже всего любовное отношение ко всем, в себе, такое состояние, которое получается при любви к Богу*¹. Вот этого-то я желаю вам».

Толстой выступает, вообще, против всякой *частной цели* в жизни человека, основывающего свою деятельность на религиозном законе. Цель может быть только одна – служение Богу, служение самосовершенствованием и увеличением в себе любви, насаждением тех корней, при которых только и возможен

¹ Курсив В.Ф.Булгакова.

всякий дальнейший рост. Мысль эту он выразил в письме к Ф.Х.Г[раубергер]у¹, от 20 января 1902 г., – очевидно, в ответ на выраженное своим корреспондентом желание отдаться систематической борьбе с церковными суевериями, с «обманами веры».

«Дело христианина, – писал Л[ев] Н[иколаевич], – посредством которого он достигает всех целей, в том числе и той, к[оторая] теперь у нас в России предстоит ему, везде и всегда одно: разжигать свой огонь и светить им перед людьми. Обращение же всего своего внимания, всех своих усилий на какую-нибудь одну частную цель, как н[а]п[ример], на жизнь трудами рук, на проповедь или, как в данном случае, на борьбу с теми или другими обманами, есть всегда ошибка, подобная тому, что бы делал человек при наводнении, если бы вместо того, чтобы пускать воду из главного источника или работать над плотиной, удерживающей всю воду, делал бы преграды в своей улице, не видя того, что вода с других сторон зальет его...

Это не значит того, чтобы не бороться с обманами (когда знаешь, что они величайшее зло, невольно будешь делать это), но бороться только тогда, когда эта борьба является следствием общего стремления к совершенствованию. Еще сравнение: надо защитить дома от возможности пожаров сообщить всем домам. Можно нарубить зеленых веток и натывать их между домами. И это будет как будто действительно на день, два. Но можно посадить маленькие деревца, и, когда они укоренятся и вырастут, это будет действительно навсегда. *Надо, чтоб в деятельности нашей были корни. А корни эти в нашей покорности воле Бога, в нашей личной жизни, посвященной совершенствованию и увеличению любви*²».

Совершенствование и увеличение любви, вот, что должен поставить истинно религиозный человек целью своих сознательных усилий. Никакая внешняя деятельность вообще не может сравниться по своему значению для истинной жизни с этой внутренней работой человека над собой. «Нам, живущим в нашей антихристианской жизни, – пишет Л[ев] Н[иколаевич] в письме к С.Б[ырдину]³, от 18 февраля 1897 г., – так много работы внутренней над самими собой для искоренения нехристианских привы-

¹ Ф.Х.Граубергер (1857–1919) – садовод, единомышленник Л.Н.Толстого.

² Курсив В.Ф.Булгакова.

³ С.Бырдин (1873–?) – ветеринарный врач.

чек, так во многом нужно утвердиться, особенно вам, молодым, что лучше всего энергию употребить на эту внутреннюю работу. И работа эта самая плодотворная даже и для борьбы, которая неизбежна для всякого человека, живущего или стремящегося жить христианской жизнью и потому обреченного на постоянные, самые разнообразные столкновения с миром.

Я всегда вспоминаю Достоевского, который говорил о том, как смешно видеть человека, желавшего перевернуть весь мир и не могущего обойтись без папирос и готового на всё, только бы ему дали покурить. Я говорю не о курении, а о том, что самое важное не борьба, а то, чтобы орудия борьбы, т.е. люди, были сильны верою, были чисты, как голуби, и мудры, как змеи. А если люди будут таковы, то они без борьбы будут побеждать».

То же самое он выражает, незадолго до смерти, в письме Д.Р[уба]ну¹, от 7 апреля 1910 г.: «...Дело внутреннего нравственного совершенствования, по моему мнению, до такой степени важно и требует такого усилия, что страшно затрачивать много энергии на внешнее устройство своей жизни, тем более, что это внешнее устройство часто – особенно если оно не удастся – может только повредить внутреннему делу самосовершенствования».

Поэтому, когда скороспелые «толстовцы» спрашивали Л[ьва] Н[иколаевича], как им устроить свою внешнюю жизнь, он отвечал им отрицанием самой необходимости такого нарочитого устройства внешней жизни. Вот, например, что писал он, 2 января 1908 г., Л.С[еменову]². «На вопрос ваш, как вам устроить свою жизнь? – отвечаю отрицанием самого вопроса: устраивать нашу жизнь не в нашей власти, и попытки такого устройства только нарушают то ее устройство, которое предстоит нам, о к[отор]ом мы не знаем и к[отор]ое самое лучшее и для нас и для всех соприкасающихся с нами. Задача нашей жизни, смысл ее, в чем вы, наверно, согласны со мной, в том, чтобы проявить во всей доступной нам силе того Бога любви, к[отор]ый живет в нас; а чтобы проявить его, нам много надо работать над собой, над уничтожением тех грехов, к[отор]ыми мы полны и кот[орые] мешают проявлению любви: и телуоудничество, и праздность, и сладострастие, и недоброжелательство, и слава людская, и гордость личная и сословная, и народная, и неправдивость, и всякого рода

¹ Д.Г.Рубан (1875–?) – крестьянин Самарской губернии.

² Л.Д.Семенов (1880–1917) – поэт-символист.

суеверия, и церковные, и государственные, и научные, и искусства – всё это так въелось в нас и так затемняет, заглушает в нас дух Божий, что нельзя достаточно упорно и напряженно бороться со всем этим для того, чтобы всё больше и больше освободить дух Божий – любовь и пользоваться тем благом, к[отор]ое дает это всё большее и большее освобождение. *Только положите все силы на это усилие, то усилие, к[оторым] берется Царство Божие внутри нас, всякую минуту настоящего насколько возможно больше употребляйте на эту внутреннюю работу совершенствования – освобождения, и жизнь сложится так, как она должна сложиться, и по всем вероятностям не так, как вы бы того хотели, но сложится наилучшим образом¹».*

В зависимости от такого взгляда Л[ев] Н[иколаевич], – и это засвидетельствуют все знавшие его, – в последние годы своей жизни чрезвычайно ревниво относился ко всяким попыткам своих друзей и единомышленников к переустройству своей внешней жизни и ко всякого рода внешним планам и предприятиям, замышлявшимся все с тою же целью: изменить, так сказать, жизнь к лучшему, «на новых началах». Если, например, такое переустройство или предприятие, действительно, осуществлялось, то он, радуясь за успех, все-таки предупреждал удачников о том, что они не должны полагать в новой форме всего смысла жизни и что перед человеком стоят еще более высокие и недостижимые задачи – жизни для души, для Бога. И, напротив, когда он замечал брюзжание и недовольство в «устроителях», он, догадываясь о причинах неудачи, тотчас советовал неудачникам, не огорчаясь, вспомнить о той же вечной, недостижимой цели улучшения себя, стремления к совершенству Отца-Бога, жизни духом и для духа.

В этом отношении характерны 2 письма Л[ьва] Н[иколаевича], оба близким его друзьям и единомышленникам, из числа «толстовской» молодежи. Одно – к болгарину Христо Досеву², сообщавшему Л[ьву] Н[иколаевичу], очевидно, об успехах братской коммуны, в которой он жил. «...Рад был и тому, – пишет Л[ев] Н[иколаевич] Досеву, 17 марта 1908 г., – что вы пишете про себя и про наших общих друзей. Но должен сказать, что я всегда боюсь приписывать слишком большое значение внешним явлениям. Это отвлекает от заботы о внутренней жизни; а только

¹ Курсив В.Ф.Булгакова.

² Х.Ф.Досев (1886–1919) – болгарский единомышленник Л.Н.Толстого.

в этом, во внутреннем движении, единении с Богом, – и личное счастье, насколько мы можем его испытывать, и вместе с тем благотворнейшее воздействие на других людей».

В другом письме, к одному из самых последовательных своих единомышленников, всегда искавшему новых форм жизни и не удовлетворявшемуся ими, ныне умершему, П.П.Картушину¹, проживавшему на Кавказе, Л[ев] Н[иколаевич] пишет (в декабре 1907 г.): «...Ваша ошибка была в том, ч[то] вы искали изменения внешних форм деятельности для того, чтобы начать ту новую жизнь, к[оторая] влечет вас к себе. Я думаю, ч[то] надо начинать эту новую жизнь без приготовлений внешних, а тотчас, в том положении и месте, в к[отором] находишься: в тюрьме, в вагоне, во дворце. Сущность же новой жизни должна состоять... в стремлении к единению с другими существами (преимущественно с людьми) и Богом, единению, проявляемому *любовью*. На воспитание, удержание в себе, увеличение, приучение себя к этой любви должны быть направлены *все, все* силы. Предоставим внешним условиям своей жизни складываться, как они хотят, и условия эти, под влиянием жизни, направленной на усиление любви, сложатся наилучшим образом.

Пишу вам это, милый друг, не п[отому], ч[то] хочу ответить вам и *предполагаю*, ч[то] это, может быть, и верно, а п[отому], ч[то] *знаю, что это истина, и по внутреннему голосу, и по разуму, и по самому несомненно убедительному опыту, знаю это так же верно, нет, вернее, чем то, что у меня есть тело и что стою на земле*²».

Замечательный отрывок этот не оставляет ни малейшего сомнения в том, куда клонились внутренние симпатии Л[ьва] Н[иколаевича] за последние годы и каковы были действительные его убеждения. Как далеко это от поверхностного верхоглядства, часто проявляемого людьми, судящими «с кондачка» о Л.Н.Толстом и его мировоззрении. Какой глубиной и задушевностью звучит здесь голос великого яснополянского мудреца и жизневедца!

Немудрено, что когда в годы старости Л[ьва] Н[иколаевича] разные хорошие юноши и девушки и вообще люди, искренно искавшие ответов на основные вопросы жизни, обращались к нему

¹ П.П.Картушин (1880–1916) – донской казак, последователь Л.Н.Толстого

² Курсив В.Ф.Булгакова.

за разрешением своих сомнений и за советами, то все ответные слова и письма Толстого полны были именно указаниями на важность не той или иной поспешной перемены внешнего положения, а на важность внутренней работы над собой, совершенствования, увеличения любви, ценности духовной жизни и нравственной чистоты.

– Можно ли уйти от родителей, ради любимого дела? – спрашивает у Толстого один юноша.

– «Не могу категорично ответить на ваши вопросы, не зная того дела, которому вы горячо преданы, – отвечает Толстой. – Дело у всех есть только одно: увеличивать в себе и других взаимную братскую любовь. Если в этом состоит дело, которому вы преданы, или оно ведет к этому, то можно пожертвовать установившейся естественной любовью родителей для достижения цели: увеличения братской любви в людях вообще. Если же имеет целью изменение форм жизни, в чем, я полагаю, состоит ваше дело, то пожертвовать для этого любовью родителей – не хорошо...» (1908).

– Поехать ли мне или не поехать на войну сестрой милосердия? – спрашивает у Льва Николаевича девушка.

– «...Во внешнем поступке ехать или не ехать на войну, – отвечает ей Л[ев] Н[иколаевич], – не может быть ничего ни хорошего, ни дурного. Можно жить дурно, занимаясь с больными, и жить хорошо, занимаясь всяким други[м] дело[м]. А важно только то, чтобы жить хорошо, т.е. не для себя, а для служения Богу и людям, чего и желаю вам и советую» (письмо к О.Н.Ш[ишкин]-ой¹, от 4 февраля 1904 г.).

– Согласиться ли мне добровольно на освидетельствование при призыве на военную службу или нет? – спрашивает молодой человек, собирающийся отказаться от военной службы по религиозным убеждениям.

Л[ев] Н[иколаевич] отвечает:

– «Вопрос о том, как вам поступить: свидетельствоваться или отказаться, можете решить только вы сами.

Главное в этом то, чтобы делать то, что вы будете делать не для славы людской, не для того, что скажут про вас люди, а делать или не делать только п[отому], ч[то] так велит Бог – совесть. Поэтому же не надо тоже думать о той пользе, какую мо-

¹ О.Н.Шишкина была в 1904 г. студенткой-медичкой в Петербурге.

жет принести ваш поступок другим людям. Надо думать только о том, чтобы поступить так, как велит Бог, т.е. стараться быть совершенным, как Отец, совершенство же состоит в любви. А чем больше будешь совершен, тем больше принесешь пользы людям, хотя и не знаешь какую. Это кажется очень мало, а между тем в этом всё. Мысли же о том, чем и как мы можем принести пользу людям, бывают главными причинами и бедствий людей и своего нравственного упадка» (письмо к С.А.Заболотнюку¹, от 21 сентября 1907 г.).

– Какое значение имеет кооперация и насколько она содействует улучшению жизни людей? – спрашивает у Л[ьва] Н[иколаевича] увлекающийся своей работой деревенский кооператор.

– «Кооперация – дело не дурное, между прочим, – отвечает Толстой, – но сила вся не во внешнем устройстве, а во внутреннем, в самом себе. Улучшать жизнь вообще можно только улучшением себя» (письмо к В.И.Бабочкину², от 29 июля 1910 г.).

– Выйти ли мне из кадетского корпуса и начать рабочую жизнь или же остаться в корпусе? – спрашивает подросток.

И Толстой пишет ему:

– «Не могу определенно ответить на ваш вопрос, потому что не знаю основной причины в вашем желании оставить корпус и начать рабочую жизнь. Если вами руководит желание устроить себе жизнь, более соответствующую вашим вкусам, то я думаю, что поступив так, вы жестоко ошибетесь: такая ваша жизнь вызовет огорчение ваших родных и не удовлетворит вас и вы не выдержите ее тяжести. Так я думаю по своему наблюдению и опыту. И потому не советую поступать так, если вами руководит только рассуждение о том, что такая жизнь будет лучше той, к которой вы готовитесь в корпусе. Если же вами руководит религиозное чувство, сознание того, что военное дело несогласно с волей Божьей, тогда другое дело. Но и тогда вам не надо загадывать вперед о той деятельности, которую вы изберете. А надо только сейчас, всякую минуту своей жизни поступать так, как требует того ваша вера в Бога и его законы. И этот род поступков, соответствующих

¹ С.А.Заболотнюк (1886–?) – слесарь, в прошлом революционер, затем последователь Л.Н.Толстого.

² В.И.Бабочкин – крестьянин, служивший в 1910 г. в тракторе в Петербурге, впоследствии агроном.

требованию вашей веры, сам собою приведет вас к какому-либо (нельзя определить его вперед и не должно) роду жизни.

При этом советовал бы вам для того, чтобы не принять свои рассуждения и соображения за веру, постараться прежде всего в так называемых мелочах обыденной жизни следовать требованиям своей веры: доброте ко всем людям, воздержанию от тщеславия и всякого рода похоти, правдивости, самоотвержению, чистоте. Только такая внутренняя работа над собой покажет вам – и в какой степени сильна в вас ваша вера, и в какой степени, если ваша вера приведет вас к изменению вашего положения, в какой степени вы вынуждены изменить свою жизнь.

Вообще, думаю, что выходить вам из корпуса нужно не тогда, когда вы рассудком решите, что это было бы хорошо, а тогда, когда вы всем существом почувствуете, что эта жизнь так противна, не вашим вкусам, а вашей вере, что вы не можете продолжать ее. Тогда только это будет прочно и плодотворно, *а если вы можете продолжать теперешнюю жизнь, то продолжайте ее¹*.

Тут особенно поразительны последние слова Л[ьва] Н[иколаевича], подчеркнутые мною: совет юноше продолжать свою жизнь, т.е. оставаться в военно-учебном заведении, *если он может это*. «Как, антимилитарист Толстой советует молодому человеку остаться в кадетском корпусе, если он может это?» – воскликнет тот, кто лишь внешне воспринял взгляды Л[ьва] Н[иколаевича]. Да, потому, что Толстой знал наверное, что в поступке юноши только то «будет прочно и плодотворно», что вполне соответствует той ступени внутреннего роста, на которой он находится, между тем как шаг, не вытекающий непосредственно из внутренних побуждений, может привести к гораздо более худшим последствиям, чем пребывание в прежних условиях и продолжение душевного роста.

Девушке, которая жаловалась в письме на свою «серенькую» жизнь, Л[ев] Н[иколаевич] отвечал:

– «Перед Богом все жизни серенькие и вместе с тем все нужные, если они хорошие; а перед людьми то, что считается не сереньким, часто бывает самое скверное»².

Итак, по существу, внешние формы жизни, внешние поступки безразличны, с истинно-религиозной духовной точки зрения. Важны только мотивы, их порождающие.

¹ Курсив В.Ф.Булгакова.

² «Записки» Н.Н.Гусева, 21 ноября 1908. – *Примечание В.Ф.Булгакова.*

«Не думайте тоже о форме жизни, иной, более желательной, – пишет Лев Николаевич И.А.Бунину¹, 23 февраля 1894 г., – все безразличны. Лучше только та, в которой требуется наибольшее напряжение духовной силы».

Но из этого отнюдь не следует, что внешние изменения совсем не нужны. Толстой хочет только сказать, что настоящее, действительное, плодотворное изменение не может не иметь за собой внутренней основы, и напротив, если есть эта внутренняя основа, внутреннее изменение, то и внешнее следует за ним, также неизбежно, «как воз за лошадью».

Это прекрасно выражено у Толстого в драме «И свет во тьме светит» (1902) в ответе отказавшегося от военной службы и содержащегося под арестом Бориса Черемшанова посетившему его Николаю Ивановичу Сарынцеву (действие III):

«Николай Иванович. Главное же, не делай ничего для славы людской, для того, чтобы одобрили те, чьим мнением ты дорожишь. Про себя я смело говорю тебе, что если ты сейчас примешь присягу, станешь служить, я буду любить и уважать тебя не меньше, больше, чем прежде, потому что *дорого не то, что сделалось в мире, а то, что сделалось в душе*².

Борис. *Разумеется, потому что, если сделалось в душе, то и в мире перемена будет*³».

«Если сделалось в душе, то и в мире перемена будет», – вот основная заповедь катехизиса Толстого.

Но как же жить? Куда же идти? Какая же все-таки лучшая форма человеческой жизни?

«...Нельзя вперед определить форму христианской жизни», – категорически отвечает Толстой в письме И.Ф.Наживину, от 27 февраля 1904 г. И дальше дает чудный образ, который один способен осветить всю сущность религиозно-философского мировоззрения Толстого: «*Служение Богу и людям, любовь, это тот клубок, кот[орый] в сказке волшебница дает юноше, чтобы он шел туда, куда, разматываясь, покатится клубок. Так и в жизни идти надо туда, куда поведет разматывающийся клубок любви, а куда он приведет, мы знать не можем, а если будем воображать, что знаем, то собьемся с дороги*⁴»...

¹ И.А.Бунин (1870–1953) – писатель, поэт, лауреат Нобелевской премии по литературе 1933 г.

² Курсив В.Ф.Булгакова.

³ Курсив В.Ф.Булгакова.

⁴ Курсив В.Ф.Булгакова.

Толстой хочет сказать, что нет одного, обязательного, предписываемого заранее «правилом» пути для истинно-религиозного человека, но, напротив, тысячи путей, часто неожиданных и неведомых, и бесконечных в своем разнообразии, ведут человека к Богу.

И о том же, в не менее выразительной форме говорит он в другом письме к тому же Наживину, от 14 ноября 1906 г.: «Только отрешиться хорошенько от славы человеческой, установить твердые, всегда чувствуемые отношения с Богом, с хозяином моей жизни, хорошенько вполне отказаться от осуществления каких бы то ни было желаний, хорошенько проникнуться великим словом: *fais ce que doit, advienne que pourra* или по-русски: “человек ходит, Бог водит”, и не будет заботы о том, Закхей я или Будда. Я – Толстой или Наживин – хочу только одного, истинно хочу делать его волю, а что выйдет из моего хотенья, не мое дело. Всё это ясно, когда есть полная искренность. Если же я не только Закхей, но фарисей в глазах людей, то это только тем лучше, чтоб я устанавливал свое отношение с одним Богом. Не представляйте себе никакого своего внешнего положения, а только как можно чаще, особенно при сношениях с людьми, от жены до генерал-губ[ернатора] и нищего, вспоминайте, кто вы, что вы обязаны, не обязаны, а что вам истинно хорошо для вашего блага делать, и вы будете совершенно спокойны: может быть, вырежете свое мясо для тигрицы, а может быть, будете сажать яблони и есть яблоки в своем саду.

Говорю вам от всей души, по опыту, милый друг. Главное, хорошенько отрешиться от заботы о последствиях своих поступков».

Ничего внешнего, ничего показного, все – внутреннее, все – душевное, все – для Бога, – таков завет Л[ьва] Н[иколаевича].

«В Оптиной пустыне, – рассказывает Л[ев] Н[иколаевич] в статье «О самоубийстве» (1910 г.), – в продолжение более 30 лет лежал на полу разбитый параличом монах, владевший только кистью левой рукой. Доктора говорили, что он должен был сильно страдать; но он не только не жаловался на свое положение, но постоянно, крестясь, глядя на иконы и улыбаясь, выражал свою благодарность Богу и радость за ту искру жизни, которая теплилась в нем. Десятки тысяч посетителей перебивали у него, и трудно

представить себе все то добро, которое распространилось на мир от этого лишенного всякой возможности деятельности человека. Наверное этот человек сделал больше добра, чем тысячи и тысячи здоровых людей, воображающих, что они в разных учреждениях служат миру.

Пока есть жизнь в человеке, он может совершенствоваться и служить миру. Но служить миру он может только совершенствуясь и совершенствоваться только служа миру¹».

Так «еретик» Толстой, с его гениальной прозорливостью, позволяющей ему углубляться в самую сущность явлений, оценил великий подвиг святости в смиренном, больном, почитавшем себя за ничто монахе православного монастыря, «неделание» которого говорило душе Толстого гораздо больше и казалось ему бесконечно более плодотворным для истинного движения человечества вперед, чем тысячи разных «дел», совершаемых самоуверенными «строителями жизни» разных формаций и наименований.

Заключительные же слова Л[ьва] Н[иколаевича] в этом описании, столь выразительные и яркие, совершенно точно отвечают на главный вопрос, обыкновенно возникающий при всех суждениях о Толстом, как мыслителе: вопрос о взаимоотношении между личным совершенствованием и служением другим людям. То и другое нераздельно.

¹ Курсив В.Ф.Булгакова.

VII

Последний крупный религиозно-философский труд Л.Н.Толстого «Путь жизни», над которым он работал с января 1910 г. до самого ухода из Ясной Поляны в октябре того же года и корректуры которого он видел в руках И.И.Горбунова-Посадова уже умирающий, в Астапове, чрезвычайно характерен для последнего фазиса духовной эволюции великого мыслителя. Заключая в себе богатейший материал мыслей как самого Толстого, так и его любимых мыслителей (в очень сильной переработке) и будучи составлен систематически, по определенному плану, охватывающему все интересовавшие Л[ьва] Н[иколаевича] вопросы, – «Путь жизни», в противоположность «В чем моя вера?», производит впечатление не боевого трактата, с которым автор выступает перед изумленной смелостью, дерзостью и новизной его мыслей толпой, а скорее – умиленного и тихого последнего завета мудреца, старца, всеми признанного мыслителя, авторитет которого непререкаем и которому поэтому нет надобности «доказывать», спешить, волноваться и горячиться, слова которого льются спокойно, ровным потоком, чистым, светлым и глубоким, как небесная лазурь.

Автор не открывает никаких «Америк», он не говорит ничего «нового», да и не стремится сказать. Он знает, что в области духа, в области религии все лучшее, новое есть в сущности ни что иное, как основательно позабытое старое. Он ни с кем не борется и не опровергает никаких кумиров. Он вообще безразличен к «результатам» своего труда: он лишь высказывает то, во что он верит, а последствиям своей проповеди предоставляет складываться так, как хочет Бог. И он верит, что, если нужно, то они сложатся наилучшим образом. Если он и говорит о суеверии в области религии или о государственном насилии, как об ужасном тормозе для общечеловеческого прогресса, то слова его отнюдь

не похожи на полемику, даже в самом благородном смысле этого слова, а скорее на приговор суда. О чем спорить? С кем воевать? Вечные истины так ясны, так тверды и незыблемы, что было бы пустой суетой пытаться «защищать» их от кого-то. Надо только выяснить их, отстраняя все то, что невольно мешает людям подойти к их пониманию и усвоению.

И вы чувствуете, пробегая страницы мудрой книги, что рука, которая берется за это выяснение, поистине чужда в какой бы то ни было степени элементов личного и суетного. Только любовь к истине и стремление передать ее людям владеет этой рукой.

В «Пути жизни» перед Толстым стоят, главным образом, не вопросы общественного, социального характера о преобразовании путем принятия христианского учения всего общественного строя, а вопросы личного совершенствования и внутреннего, духовного роста каждого отдельного человека. Толстой более, чем в каком бы то ни было другом сочинении, настаивает здесь на том, что Царство Божие на земле устанавливается только тем, что мы «освобождаем в себе тот божественный свет, который заложен нам в душу» («Путь жизни», глава «Грехи, соблазны, суеверия»). И освобождается этот «Божественный свет» не ради каких-нибудь внешних практических последствий (хотя они приходят сами собой), а только потому, что освобождение этого света в жизни для души, для Бога, – высшее благо человека и неуничтожимый, вечный смысл его существования.

В «Пути жизни» Толстой уже не называет, – подобно тому, как в книге «В чем моя вера?», – заповеди о «непротивлении» ключом к пониманию христианского учения. Место этой заповеди занимает другая, более общая, и в одно и то же время и более простая и более трудная, заповедь: *стремление к совершенству Отца*. «Ничто так очевидно не подтверждает того, – говорит Л[ев] Н[иколаевич], – что дело жизни есть совершенствование, как то, что чего бы ты ни желал вне своего совершенствования, как бы полно ни удовлетворилось твое желание, как скоро оно удовлетворено, так тотчас же уничтожается прелесть желания.

Не теряет своего радостного значения одно: сознание движения к совершенству.

Только это непрерывающееся совершенствование дает истинную, не перестающую, а растущую радость. Всякий шаг вперед на этом пути несет с собой свою награду, и награда эта получа-

ется сейчас же. И ничто не может отнять ее» («Путь жизни», гл. «Жизнь – благо»).

«“Будьте совершенны, как совершен Отец ваш Небесный”, – сказано в Евангелии. Это не значит то, что Христос велит человеку быть таким же совершенным, как Бог, а значит то, что всякий человек должен делать усилия сознания, чтобы приближаться к совершенству. ...И в этом приближении – жизнь человека» («Путь жизни», гл. «Усилие»).

«Для бессмертной души нужно такое же и дело бессмертное, как она сама. И дело это – бесконечное совершенствование себя и мира – и дано ей» («Путь жизни», гл. «Душа»).

В самом деле, разве применение заповеди «непротивления» (да еще в общественном понимании этой заповеди) дает окончательное удовлетворение христианской душе? И разве с исполнением ее и тех пяти заповедей, которые перечисляет Л[ев] Н[иколаевич] в книге «В чем моя вера?», кончается дело христианина в жизни и его работа над собой? А другие «грехи, соблазны и суеверия»? А лживость? А гордость? А тщеславие? А зависть? А осуждение? А корыстолюбие? А излишество? А невоздержание в слове? А греховные помышления? И т.д., и т.д. Нет, это поле внутренней работы бесконечно. Сорные травы растут на нем в изобилии, и где уж заботиться о том, чтобы выполоть это поле у других, – дай Бог со своим-то справиться. Но, разумеется, если бы каждый выпалывал свое, то и вся человеческая нива была бы чиста.

Книга «Путь жизни» состоит из 31 главы, приблизительно одинакового объема, посвященных каждой какому-нибудь отдельному вопросу метафизики или морали, причем из этих 31 главы только незначительное меньшинство трактует о вопросах, которые можно было бы назвать «общественными», т.е. относящимися к жизни не только отдельного человека, но и соединений людей (в церкви, государстве и т.д.). Но даже и в этих случаях то или иное правило, та или иная заповедь, – если только можно назвать «правилами» и «заповедями» свободно излагаемые и никому не навязываемые мысли и изречения «Пути жизни», рассматриваются прежде всего именно не по их общественному, хотя бы и неоспоримому значению, а по их личному значению для дела совершенствования и духовного роста каждого отдельного человека. Все же остальные главы заняты исключительно перечислением «грехов, соблазнов и суеверий», мешающих внутрен-

нему росту человека и способов освобождения от них, – способов также чисто духовных.

При этом в «Пути жизни» мы находим немало мыслей, подтверждающих тот взгляд Л[ьва] Н[иколаевича] на преимущественную необходимость внутренней, духовной работы перед какой бы то ни было внешней деятельностью, к которому он пришел в последнем фазисе своей духовной эволюции. Взгляд этот получает в «Пути жизни» даже свое особенное развитие, подкрепляясь целым рядом замечательных по силе и яркости мыслей Толстого о ненужности и вреде всякого «устроительства» вообще, о «неделании», о важности внутреннего «усилия», о том, что «все начала грехов в мыслях», и о «жизни в настоящем», независимо от предположений о последствиях.

Припомним себе здесь главнейшие из этих изречений Толстого, особенно ярко иллюстрирующие не букву, но *дух* того жизнепонимания, которое мы знаем теперь, как *истинное жизнепонимание Толстого* и как его *подлинную духовную физиономию*. Различие положений «Пути жизни», – опять-таки, не по букве, а по духу, – с тем, что высказывал Л[ев] Н[иколаевич] на ранних ступенях его сознательного религиозного развития, как мне кажется, становится очевидным само собой, по ознакомлении с этими положениями.

ОТРЫВКИ ИЗ «ПУТИ ЖИЗНИ»

– «Есть только одно для всех людей важное дело в жизни. Дело это в том, чтобы улучшать свою душу. Одно это дело предназначено всем людям. Всё остальное пустяки в сравнении с этим делом. То, что это так, видно из того, что в этом одном деле человеку не бывает помехи и что от этого одного дела человеку всегда бывает радостно» (гл. «Усилие»).

– «Нам кажется, что настоящая работа только над чем-нибудь видимым: строить дом, пахать поле, кормить скот, а работа над своей душой, над чем-то невидимым – дело неважное, такое, какое можно делать, а можно и не делать, а между тем всякая другая работа, – кроме работы над своей душой, над тем, чтобы делаться с каждым днем духовнее и любовнее, – всякая другая работа пустяки. Только одна эта работа настоящая, и все остальные работы полезны только тогда, когда делается эта главная работа жизни» (гл. «Усилие»).

– «Тот, кто признает свою жизнь нехорошей и хочет начать жить лучше, не должен думать, что он может начать жить лучше только тогда, когда он переменит условия своей жизни. Исправлять жизнь надо и можно не внешней переменной, а в самом себе и в своей душе. А это можно делать всегда и везде. И работы этой у всякого достаточно. Только когда душа твоя так изменится, что ты не будешь в состоянии продолжать прежнюю жизнь, только тогда переменяй жизнь, а не тогда, когда тебе будет думаться, что тебе легче будет исправлять себя, если ты переменишь жизнь» (гл. «Усилие»).

– «Все различия наших положений в мире ничто в сравнении с властью человека над самим собою. Если человек упал в море, то совершенно всё равно, откуда он упал в море и какое это море... – важно только то, умеет ли этот человек плавать или нет. Сила не во внешних условиях, а в умении владеть собой» (гл. «Неделание»).

– «Я – орудие, которым работает Бог. Мое истинное благо только в том, чтобы участвовать в его работе. Участвовать же в его работе я могу только теми усилиями сознания, которые я делаю для того, чтобы держать в порядке, чистоте, остроте, правильности то орудие Божье, которое поручено мне, – себя, свою душу» (гл. «Усилие»).

– «Нет ничего важнее внутренней работы в одиночестве с Богом. Работа эта в том, чтобы останавливать себя в желании блага своей животной личности, напоминать себе бессмысленность телесной жизни. Только когда один с собой с Богом и можно делать это. Когда с людьми, тогда уже поздно. Когда с людьми, то поступишь хорошо только тогда, когда заготовил способность самоотречения в уединении, в обществе с Богом» (гл. «Самоотречение»).

– «Надо не столько стараться делать добро, сколько стараться быть добрым; не столько стараться светить, сколько стараться быть чистым. Душа человека живет как будто в стеклянном сосуде, и сосуд этот человек может нагрязнить и может держать чистым. Насколько чисто стекло сосуда, настолько светит через него свет истины, – светит и для самого человека и для других. И потому главное дело человека – внутреннее, в содержании в чистоте своего сосуда. Только не загрязняй себя, и тебе будет светло, будешь светить и людям» (гл. «Неделание»).

– «Чем меньше человек доволен собою и своею внутреннею жизнью, тем больше он проявляет себя во внешней, общественной жизни.

Для того, чтобы не впадать в эту ошибку, человек должен понимать и помнить, что он так же не властен и не призван устраивать жизнь других, как и другие не властны и не призваны устраивать его жизнь, что он и все люди призваны только к одному своему внутреннему совершенствованию, в этом одном всегда властны и этим одним могут воздействовать на жизнь других людей» (гл. «Насилие»).

– «Мы часто говорим и думаем, что я “не могу делать всего, что должно, в том положении, в котором нахожусь теперь”. Как это несправедливо! Та внутренняя работа, в которой и заключается жизнь, всегда возможна. Ты в тюрьме, ты болен, ты лишен возможности какой бы то ни было внешней деятельности, тебя оскорбляют, мучат, – но внутренняя жизнь твоя в твоей власти: ты можешь в мыслях упрекать, осуждать, завидовать, ненавидеть

людей и можешь в мыслях же подавлять эти чувства и заменять их добрыми. Так что всякая минута твоей жизни твоя, и никто не может отнять ее у тебя» (гл. «Жизнь в настоящем»).

– «Надо не думать о будущем, а только в настоящем стараться делать жизнь радостной для себя и других. “Завтрашний день печется сам о себе”. Это великая правда. Тем-то и хороша жизнь, что никак не знаешь, что нужно для будущего. Одно на-верное нужно и годится всегда – в настоящую минуту любовь к людям» (гл. «Жизнь в настоящем»).

– «“Огонь пришел Я низвесть на землю: и как желал бы, чтобы он уже возгорелся” (Луки XII, 49).

Но почему же огонь этот так медленно разгорается? Если могло пройти столько веков, и христианство не изменило строя общественной жизни, какое право имеем мы думать, что оно изменит его теперь? Большинство людей, приведенное к необходимости признания истины христианства, всё еще не берет эту истину за основание своей деятельности. Отчего это? А только оттого, что люди ждут изменения от внешних условий, а не хотят понять того, что достигается это только усилием каждого отдельного человека в своей душе, а не какими-либо внешними изменениями» (гл. «Усилие»).

Вот – новый, последний, высший символ веры Толстого. Эти случайные одиннадцать отрывков из «Пути жизни» – не по их внешнему количественному, а по их внутреннему, духовному содержанию, – являются поистине опорной точкой, глубочайшей основой всего «толстовства», как религии.

Попробуйте же теперь сравнить этот символ с тем, которым заканчивается книга «В чем моя вера?», – и вы увидите, какая глубокая разница по настроению и по содержанию лежит между этими двумя исповеданиями веры одного и того же сильного, великого духа, но на разных ступенях его развития.

«Путь жизни» знаменует последний этап духовной эволюции Л.Н.Толстого, завершение того своеобразного круга, который прошел Толстой в своей внутренней жизни, перейдя сначала к проповеди «делания» от безжизненной, отвлеченной веры первого, до – сознательного периода и затем вернувшись сознательно к признанию преимущественного значения внутренней работы

сознания, работы духа перед внешним «деланием». Старый вопрос исторического христианства: «вера *или* дело?» – Толстой разрешил так: *дело духа, дело веры*, т.е. не голый только факт, не внешнее «делание», а «делание», вытекающее из требований духа, требований веры.

«В чем моя вера?» – замечательная книга сама по себе, и она осталась бы такой, если бы религиозное творчество Толстого ограничилось ею одной. И в рационалистическом христианстве появилась бы тогда еще одна партия, одна секта – «толстовцы», – потому что толкование, приданное Л[ьвом] Н[иколаевичем] в книге «В чем моя вера?» отдельным заповедям Христа и мотивировка этого толкования полны новшества и своеобразия. Да и центр тяжести исторической христианской веры передвинут в книге слишком круто. Новая секта могла сильно вырасти (может быть, даже больше, чем это может случиться после «Пути жизни»), но, во всяком случае, движение это не было бы воплощением того, позднейшего Толстого, которого мы теперь уже видели воочию и который с достаточной полнотой отразился в религиозных писаниях последнего периода. А этот Толстой, наверное, *никогда* не стал бы говорить о заповедях – правилах, об «исполнении» внешних предписаний веры и вообще о практическом значении христианства и т.д. таким языком, как в книге «В чем моя вера?».

VIII

Мировоззрению, которое мы пытались охарактеризовать, как высшую и окончательную ступень духовной эволюции Л.Н.Толстого, великий мыслитель оставался верен до последних дней своей жизни. Чем дальше рос он и чем больше и больше углублялся в себя духовно (а о Толстом можно сказать, что он никогда не знал состояния застоя в своей внутренней жизни), тем все сильнее и сильнее укреплялся он в этом мировоззрении.

«...Я всё сильнее и сильнее испытываю по мере приближения к концу, – писал Лев Николаевич В.И.С[короходову]¹, 21 ноября 1903 г., – то, что и вы знаете, что надо всё больше и больше переносить свои цели из жизни мирской в жизнь духовную, в жизнь не перед людьми, а перед Богом: жить в виду не одной этой жизни, а в виду вечной жизни; а жить так можно только полагая всю свою энергию на свое внутреннее совершенствование».

«Одно, на чем я настаиваю и что мне всё яснее и яснее становится с годами, – писал он М.С.Дудченко², 18 февраля 1909 г., – это та опасность ослабления внутренней духовной работы при перенесении всей энергии – усилия – из внутренней области во внешнюю».

Вокруг Толстого надвигались тучи, прогремела Японская война, вслед за нею разразилась революция 1905 г., закончившаяся полным разгромом революционеров и подавлением справедливых народных требований, в стране во всю свирепствовала политическая реакция, народ жил, болел и умирал в потрясающей бедности, приниженности и искусственно поддерживаемом не-

¹ В.И.Скороходов (1861–1924) – участник земледельческих общин, единомышленник Л.Н.Толстого.

² М.С.Дудченко (1867–1946) – сочувствовал взглядам Л.Н.Толстого; с 1890-х гг. жил под Полтавой, занимаясь земледельческим трудом.

вежестве, тюрьмы переполнены были жертвами правительственного насилия, смертные казни с одной стороны и революционный террор с другой заставляли каждое сколько-нибудь чуткое сердце стыннуть от ужаса, – как же переживал все это Л.Толстой? О чем учил он? Неужели и тут его взгляды не поддались никакому изменению и он по-прежнему настаивал только на необходимости внутреннего перерождения, внутреннего просвещения и внутренней работы для каждого человека? Да.

16 июня 1909 г. он писал своему другу и единомышленнику В.А.Молочникову¹: «Ох, от таких дел стонет весь мир, и не знаешь, куда деться, чтобы не видать их. Я теперь живу у дочери и в новых условиях с особенной яркостью и болью вижу и чувствую это установившееся, постоянно продолжающееся, самое очевидное преступление грабежа, отнимающего у людей не только их имущество, но их силы, их жизнь. *Надо не унывать, а чем больше зло вовне, тем больше уничтожать его в себе, так как в этом одно средство его уничтожения*²».

Из этих слов видно, как глубока была вера Толстого в то, что он говорил.

Убеждение в незыблемом, авторитарном значении духовной жизни стало совершенно непоколебимым в сознании Л[ьва] Н[иколаевича]. Так, об этом свидетельствует, между прочим, следующий факт. В 1910 г. все ожидали каких-то необыкновенных последствий от предсказанного астрономами появления кометы Галлея. Говорили, что комета заденет и уничтожит землю или что в сопровождающей ее ядовитой атмосфере могут задохнуться все люди и т.д. Бывший в ссылке в Пермской губ[ернии] секретарь Л[ьва] Н[иколаевича] Н.Н.Гусев³ запросил Толстого, как он относится к подобным предположениям, и Л[ев] Н[иколаевич] ответил Гусеву 14 января 1910 года:

«Мысль о том, что комета может зацепить землю и уничтожить ее, мне была очень приятна. Отчего не допустить эту возможность. А допустив ее, становится особенно ясно, что все последствия материальные, видимые, осязаемые последствия нашей деятельности в материальном мире – ничто. Духовная же жизнь так же мало может быть нарушена уничтожением земли,

¹ В.И.Молочников (1871–1936) – новгородский слесарь-ремесленник.

² Курсив В.Ф.Булгакова.

³ Н.Н.Гусев (1882–1967) – историк литературы, личный секретарь (1907–1909) и биограф Л.Н.Толстого.

как жизнь мира – смертью мухи. Еще гораздо меньше. Мы не верим в это только потому, что приписываем несвойственное значение жизни вещественной».

И в своей личной жизни Л[ев] Н[иколаевич] с совершенно исключительной настойчивостью и последовательностью проводил свой взгляд, что внутренняя работа человека над собой должна стоять на первом плане, и ни один шаг во внешней области не может быть предпринят, не будучи проверен внутренним сознанием человека. И все, знавшие Л[ьва] Н[иколаевича], отлично помнят и свидетельствуют в один голос о том, что к концу своих дней он достиг необыкновенной высоты своего духовного строя. Он, всю жизнь борющийся со своими недостатками, когда-то сильный, страстный и гордый человек, поражал всех своим бесконечным добродушием, смирением и незлобием. От самой фигуры его веяло необыкновенной мягкостью, он весь как бы светился насквозь той любовью к людям, которой была полна его душа.

Его осуждали, его забрасывали клеветами, он получал наполненные грубой бранью письма – за то, что он «не делает того, что говорит»: не покидает Ясной Поляны, – той Ясной Поляны, которая, в действительности, была для него пыткой, тем костром, на котором он сгорал в медленном огне, тратя свои душевные и физические силы ради любви к окружающим, семье, не желавшей отпустить его, – и Толстой покорно и смиренно молчал в ответ, считая в глубине души, что все эти упреки, осуждения и ругательства справедливы, но зная в то же время, что не пришел еще час его, что нет еще воли Божией на то, чтобы он избрал другую, новую форму жизни, оставив родной дом и семью.

Вначале 1910 г. он получил письмо от незнакомого ему студента Б.Манджоса¹ из Киева, который горячо уговаривал Л[ьва] Н[иколаевича] оставить Ясную Поляну, – сделать тот последний шаг, который окончательно приведет к нему сердца всех людей и заставит их следовать за ним. Толстой ответил студенту (17 февраля 1910 г.):

«То, что вы мне советуете сделать, составляет заветную мечту мою, но до сих пор сделать этого не мог. Много для этого причин (но никак не то, чтобы я жалел себя); главная же та, что сделать это надо никак не для того, чтобы подействовать на других. Это не в нашей власти и не это должно руководить нашей де-

¹ Б.Манджос – студент Киевского университета.

тельностью. Сделать это можно и должно только тогда, когда это будет необходимо не для предполагаемых внешних целей, а для удовлетворения внутреннего требования духа, когда оставаться в прежнем положении станет так же нравственно невозможно, как физически невозможно не кашлять, когда нет дыхания. И к такому положению я близок и с каждым днем становлюсь все ближе и ближе».

Через 8 месяцев Л[ев] Н[иколаевич], действительно, покинул Ясную Поляну, и дальнейшие события направлял уже не он, а Сам Бог. И Толстой это понимал, записывая коснеющей рукой в свой дневник, в Астапове, на смертном одре, последние написанные им когда-либо строки: «Вот и план мой. Fais ce que doit, adv[ienne que pourra]»¹.

И все на благо и другим, и главное, мне».

Судьбе угодно было прервать эту жизнь в то время, как давнишний план Л[ьва] Н[иколаевича], заключавшийся в изменении всего уклада внешней жизни, был уже накануне, или вернее, даже в начале своего осуществления. Что-то вроде разочарования мелькает в душе Толстого («Вот и план мой»), но вера в волю Бога, направляющую события и сознание, что он со своей стороны сделал правильный шаг, исполнил то, к чему призывал его внутренний голос, не заботясь о внешних последствиях, – приводят Толстого к высшему примирению со своим положением, и великой покорностью воле Божьей, которой он служил, хотел служить всю жизнь, звучат последние слова его дневника.

Учение Толстого не умерло с его кончиной. Число последователей его все возрастает и возрастает. И надо сказать правду, что прежде, более или менее поверхностное, отношение к идеям Толстого теперь уже редко имеет место среди так называемых «толстовцев». Истинный дух учения не остался чужд единомышленникам великого мыслителя и человека. Идеи Л[ьва] Н[иколаевича] находят в последователях его не узкое и внешнее, а свободное и широкое толкование, точно так же, как и способы их применения к жизни определяются ничем иным, как только совестью каждого отдельного человека, а не общим кодексом правоверной группы, которого, к счастью, и нет вовсе. В этом смысле «толстовцы» далеко не представляют однородной общей массы, – как стадо баранов, стриженных под одну гребенку. Индивидуальность каждого остается при нем.

¹ Делай, что должно, и пусть будет, что будет (*фр.*).

Вообще говоря, стремление к внешнему устройству (крайнее «опрошенство», земельный труд, жизнь общиной и пр.) в значительной мере уступило свое место деятельности чисто духовного, просветительного характера: религиозно-философским кружкам, лекциям и распространению книг, воззваний, идейной переписки и т.д. Во внешнем обиходе лишь немногие усиленно подчеркивают свою обособленность от остального общества (в платье, в ношении длинных волос, в хождении босиком и пр.), и это вызывает всеобщее порицание со стороны остальных. Вообще же, «толстовца» по внешнему облику стало совершенно невозможно отличить от «не толстовца», тем более что так называемые «толстовцы» отнюдь не отказываются работать в различных общепользовательных предприятиях, наряду со всеми остальными людьми. В «толстовцах» не заметно ханжества и буквоедства, что выгодно отличает их от сектантов вообще. Никаких обязательных форм организации, замкнутости у них нет. И хотя в иных случаях (например, при отказе от военной службы, при протестах против войны и насилия и т.д.) им и приходится проявлять много мужества и переносить тяжелые душевные и телесные испытания, вплоть до мученической смерти, но, вообще, им совершенно чужд дух фанатизма, и общим убеждением этих людей считается лишь вера в необходимость постоянной внутренней работы над собой, не контролируемой ни единомышленниками, ни буквой самого Толстого, ни вообще кем-либо из людей и какими бы то ни было человеческими установлениями, а только своей совестью.

Таково, – я не хочу сказать: состояние, – а таково *направление* «толстовской» (выражаясь условно, потому что всякий подобный ограничительный термин был бы в данном случае неуместен) общины, весьма многочисленные члены которой рассеяны, главным образом, в России, но также и в других странах: Болгарии, Голландии, Швейцарии, Японии, Америке и т.д. Число их подсчитать невозможно, потому что они не стремятся в чем-либо внешним образом отделиться от всех остальных братьев-людей, и в этом отношении к ним вполне применимы те упреки, которые делались врагами Христа по адресу его учеников: «Зачем вы едите и пьете с мытарями и грешниками? ...Почему ученики Иоанновы постятся часто и молитвы творят, также и фарисейские, а Твои едят и пьют?» (Луки гл. V, ст. 30 и 33). «Зачем ученики Твои не поступают по преданию старцев, но неумытыми руками едят хлеб?» (Марка гл. VII, ст. 5). «Зачем вы делаете то, чего не должно делать в субботы?» (Луки гл. VI, ст. 2).

Словом, было бы напрасно искать в «толстовцах» секту.

IX

Выводы из всего вышесказанного напрашиваются сами собой. Мы видели, как Л.Н.Толстой в своем непрерывном духовном росте скидывал с себя одну за другой пеленки, в которых он застал себя при своем втором рождении, «рождении свыше», и в которые он закутан был как одно из жалких и слабых «чад земли». Душа его, от временного и преходящего, тянулась к вечному и неизменному, от всего, сковывавшего ее свободу и жизнь, к тому, что, как солнце растение, живило ее. И этим солнцем для духовной жизни Л[ьва] Н[иколаевича] явился закон добра, закон любви, открытый им в душе человека. «Все для любви, все для Бога, как источника любви и нашей духовной жизни» – стало единым лозунгом Толстого.

И в этом – великое утверждение жизни, а вовсе не ее отрицание, как может это показаться не чуткому и не глубокому пониманию. Зовя человека к тому, чтобы он отказался от своего маленького личного, ограниченного «я», Толстой, как истинный истолкователь мирового религиозного закона, тем самым хочет восстановить в человеке сознание его истинного, высшего «Я», – сознание, делающее человека Сыном Бога и братом всего живущего, носителем единого Божественного Начала, правящего и повелевающего миром и связующего все части этого мира в единое и гармоническое целое.

Толстой, отвлекая человека от сознательного, рабского служения ничтожным и мелким идеалам, стремясь каждую слепую овцу человеческого стада переделать в Пастыря, направляя тепло и свет своего религиозного гения на те, часто слабые, но неизменно зеленеющие в каждой душе ростки Божественной Воли и Жизни, ратуя за очищение души человеческой от заволакивающих ее мусора и грязи животности, – тем самым хочет научить каждого брата-человека не оплевывать, не заглушать своих собственных

высших возможностей, не давать им пребывать в беспробудном мертвом сне, но, напротив, понять, наконец, себя и свое истинное «Я», сознать свое высшее человеческое назначение, и больше, крепче ценить самого себя, не быть тем, от природы обиженным разумом, богачом, который, по неразумию, променивает полную золотую монету на блестящие стеклянные бусы...

Все внешнее, материальное не может становиться целью самой по себе в жизни сознавшего свое истинное назначение человека. Все это в лучшем случае, как и самое тело человека, есть только орудие, которое дано ему, чтобы проявить в этих видимых условиях пространства и времени свою истинную и бессмертную, вневременную и внепространственную сущность, законы коей – любовь и единение.

Толстой, как и другие мудрецы мира, подымавшиеся на ту же степень духовного откровения, хочет предупредить нас, что мы склонны часто недооценивать себя, что мы часто и не знаем о том кладе – нашем духовном «Я», которым мы обладаем, что мы, как будто нарочно, по незнанию или по слепоте отказываемся от тех высших радостей и высшего удовлетворения (несравнимых с тем, что дает чувственность), какие сулит нам жизнь в духе и во взаимном братском любовном единении. «Все – для этой жизни, нет ничего выше ее», – говорит Толстой.

И этого не надо понимать так же, как отказ Толстого от всяких попыток к *чисто практическому* переустройству личной и общественной человеческой жизни на земле. Та последняя, высшая ступень духовной эволюции Толстого, на которой ему открылось, что пренебрежение духовными, нравственными законами есть основная центральная причина, благодаря которой разрушается и все внешнее благоустройство, – эта ступень его духовного роста нисколько не исключает возможности трезвого, здорового и планомерного разумного обсуждения всех насущных нужд человека, пока он живет в теле, и всех способов облегчить, упорядочить, облагородить эту жизнь. Но только Толстой, поднявшийся на высшую точку зрения, понял, что и возможность такого – простого, разумного, практически-жизненного, согласного и успешного строительства приобретается лишь среди людей, проснувшихся к духовной жизни и понявших свою внутреннюю общность, свое взаимное братство, а вместе с тем, и сделавших все необходимые логические выводы из такого понимания. Среди диких зверей, защищающих каждый только свою особь, невозможно и никакое

общее дело, – так же и среди непросвещенных сознанием своего равенства и необходимости подчинения нравственному закону братьев-людей. Духовные, нравственные вопросы, *неизбежно стоящие перед каждым решительно человеком от дней его юности*, должны быть так или иначе разрешены. И настоящее решение их только одно: любовь, братство, равенство, единение в Боге Его Сынов. «Ищите же прежде Царствия Божия и правды Его и остальное приложится вам»¹, – хочет напомнить Толстой людям великий евангельский завет.

Возрастая и укрепляясь духом после своего духовного рождения, все расширяя и расширяя свой духовный горизонт, Толстой, в конце концов, вовсе не хотел сказать, что то, что он увидал раньше, есть неправда, – нет, но, вслед за этой правдой, ему открылась другая, более широкая и общая правда, вмещающая в себе первую. Все хорошо, все закономерно – и внешние перемены жизни, и отказ от военной службы, и устройство на земле, и помощь раненым, и «прощение», но при непременно условии, чтобы все это не было просто «делом», «предприятием» (тогда всему этому та же дешевая цена, как и всем остальным бесчисленным «делам» и «предприятиям»), но чтобы всякий такой поступок был одухотворен изнутри человеческого сознания и являлся бы выражением подлинной, духовной жизни человеческого «Я». Только это дает нам гарантию, что все, начатое, по наружному виду, как добро на помощь нам и всем братьям-людям, не обратится назавтра во зло, во вред всему миру. А так как внутреннее, – все равно, дурное или хорошее, – всегда предшествует внешнему и составляет его невидимую основу, то Л[ев] Н[иколаевич], как истинный мудрец и жизневедец, и советует *всю вообще работу жизни начинать изнутри*, с изменения и совершенствования каждым, каждым из нас своей внутренней природы, поскольку это доступно нашим силам, а не с показных и не прочных изменений одной наружной, лицевой стороны нашего существования. Как бы мы ни украсили фасад дома, но он все-таки покривится, если дом не имеет фундамента. Так же и деревья, – как говорит Л[ев] Н[иколаевич], – надо сажать с корнями, а не надеяться, что если ты натыкаешь в землю веток, то у тебя будет сад, под тенью которого ты можешь укрываться от зноя.

¹ Мф. 6, 33.

Итак, все, чему учил Толстой о внешнем переустройстве жизни – о труде, о собственности, о земле, о церкви, о государстве, о школе и т.д., и т.д., – все это остается в силе, но только на высшей ступени внутреннего роста для Л[ьва] Н[иколаевича] как бы изменился центр тяжести: и то, что прежде казалось ему основой, началом всего, теперь заняло второстепенное, подчиненное положение, а то, что раньше, если не для него, то для многих слушавших, но еще не вполне понимавших его, оставалось в тени, – теперь поставлено было им превыше всего, на свое настоящее место.

Л[ев] Н[иколаевич] всегда настаивал на том, что общие религиозные истины – одни и те же для всех исторических религий; что различные религиозные учения, хотя и отличаются друг от друга некоторыми особенностями по времени и месту, в которых они возникли, но основное зерно религиозной мысли в них – одно и то же. Да так оно и должно быть, и иначе не может быть, потому что – одна душа человеческая и один Бог, а, значит, и взаимоотношение между Богом и человеком может меняться только по форме, но никак не по существу.

И вот, мы должны признать, что все обобщая и обобщая свои религиозно-философские выводы, сводя их беспрестанно концентрическими кругами к одному и тому же, главному и единственному целому, отказываясь от всего частного и от признания безусловного характера за всем тем, что имеет значение не причины, а только следствия, не основного утверждения, а только вывода из него, – Толстой тем самым бесконечно вырастает в наших глазах. Значение его становится общее и шире. Суждения его приобретают важность не только для его единомышленников, но и для всех людей вообще. Из основателя секты, из яркой, но все же ограниченной пределами индивидуальности, писательской личности, он превращается в одного из тех великих светильников человечества, духовная жизнь, мысли, слова, образы которых приобретают уже общечеловеческое, не стираемое ни временем, ни пространством, не умирающее и не переходящее значение. И не потому, что эта духовная жизнь, эти мысли, слова и образы принадлежат *именно Толстому*, – а потому, что в них выражаются вечные свойства и требования человеческой души как таковой.

Толстой, каким он выразился в своих последних словах и писаниях, – уже не основатель «толстовства», а один из величайших мировых религиозных мыслителей, как личность, как

индивидуальность, уже далеко ушедший и от своих близоруких хулителей, и от своих близоруких почитателей. Он уже не может заботиться о том, чтобы дать миру «свое», «себя», оставить всем людям это великое «Толстой», – нет, – он безжалостнейшим образом готов стереть это имя из памяти людей и на его месте написать: «человек» и «Бог».

Ни о каком «толстовском» догматизме или педантизме не может быть и речи. И если кому бы то ни было из любящих и чтущих Толстого пришлось бы когда-нибудь делать выбор между догматизмом или педантизмом, с одной стороны, и отказом от «толстовства», с другой, – то лучше отказаться от «толстовства», чем становиться сектантом догматиком и педантом: потому что отказавшись от «толстовства», как узкого течения, все-таки можно прийти к Толстому, как выразителю вечных и общих истин религии и духа, а сделавшись сектантом, т.е. педантом и догматиком, далеко не уйдешь.

Есть, однако, еще одна черта своеобразия, которая выделяет Толстого как религиозного учителя, основателя нового миропонимания из среды других основателей мировых религий, именно: только одним – Толстым было создано и с полной определенностью выражено (в последнем фазисе его духовной эволюции) то свойство его собственного мировоззрения, которое лишило это мировоззрение характера односторонности и замкнутости. Только один Толстой – как Толстой – понял и высказал, что не нужно никакого «толстовства» (он ведь даже писал об этом, и «Посредником»¹ в свое время была издана брошюра Толстого под названием «Против толстовства»), а нужна только верность общемировой религиозной истине. Толстой едва ли не один только из всех религиозных мыслителей сумел выделить, освободить в своем учении вечное и общее от временного и случайного, от специфически «толстовского», – между тем, как во всех остальных учениях приходится это вечное и общее отыскивать среди нагромождения случайных, временных элементов, которым, однако, самими-то вероучителями придается равноценная важность,

¹ «Посредник» – русское просветительское издательство (1884–1935), возникшее по инициативе Л.Н.Толстого и ставившее своей целью издание доступной для народа по цене художественной и нравоучительной литературы взамен лубочной литературы, наводнявшей книжный рынок. «Посредник» издал большими тиражами многие книги Л.Н.Толстого, В.М.Гаршина, В.Г.Короленко и др. русских писателей.

потому что всякое такое учение, так или иначе, базируется на своей догматике, и естественно, что всякому магометанину свойственно мыслить и верить прежде всего по-магометански, православному – по-православному, китайцу – по-китайски и т.д. Никто из основателей и учителей мировых религий не учил, прямо и откровенно, тому, что надо в такой-то и такой-то, исповедуемой им религии, брать только общемировое, основное, а остальное, навязанное исторической эпохой или этнографическими особенностями, отбрасывать или, по крайней мере, относиться к нему свободно. Толстой это сделал.

И в то время, как каждая историческая религия отстаивает свое существование, борется за господство над умами людей и защищает себя именно в этой, свойственной ей одной, исторической и этнографической оболочке, религия Толстого только и говорит о том, чтобы люди не воспринимали ее всю целиком, – механически, по вере, – а чтобы они отнеслись к ней свободно и взяли бы из нее лишь то, что принимает их душа, их сознание, а остальное бы отбросили, и чтобы они не увлекались «толстовством» и не слепо подражали ему, а проверяли бы каждый свой шаг, каждую мысль самостоятельно. Толстой верил, что таким образом люди скорее всего придут к Богу.

Если бы можно было и представилось бы необходимым (как это, по ее словам, пыталась сделать теософия) искать *синтеза всех религий*, то лучшего, высшего синтеза, мы, наверное, не найдем больше нигде, как у Толстого. И это – синтез, во-первых, *сознательный*; во-вторых, покоящийся на внутренних и *основных*, а не на внешних и случайных признаках.

Толстой, в последнем фазисе своего духовного развития, не только стал в ряд с величайшими религиозными мыслителями мира, но как бы и впредь, на будущее время, – вовсе не делаясь догматиком, – указал единый правильный путь к развитию всякой религиозной мысли (подобно Канту, в его «Prolegomena», ко всякой будущей метафизике поставившему себе задачей предугадать и предустановить путь философско-метафизической мысли). Не может более быть религии *местной, частной* во множестве случайных образов, – как бы говорит Толстой, – может и должна вести за собой человечество только *единая, общемировая, общечеловеческая* живая, беспокойная, трепетная, как прекрасная светлая райская птица, религиозная мысль. В построении системы все личное, индивидуальное, все «человеческое», слишком «челове-

ческое» должно уступить место общему, сверхиндивидуальному, божескому.

Тот зов, который истинная религия должна обращать к человеку, есть, собственно, не «*сделай то-то и то-то*», а «*подумай о том-то и о том-то*»; иначе говоря, религия не дает человеку определенных внешних правил или заповедей для слепого выполнения, а стремится только вызвать движение в духовном мире человека, разбудить его спящую душу и поставить ее в наиболее выгодные условия для роста. Но каким именно путем будет совершаться этот рост, какие в нем могут случиться отклонения и замедления или, напротив, ускорения, – этого никто ни предписать, ни тем более предсказать не может. Тут начинается область *общения души человеческой с Богом*, а «тайна сия велика есть»¹.

Условия терпимости, свободы, как результата сознания мирового единства и единения всех братьев-людей в Боге, ставит нам новая вера, вера Толстого.

И не хочется допустить мысли, чтобы человечество могло пройти мимо яснополянского колосса, не зацепившись за него.

Ясная Поляна, 16 апреля 1921 года.

¹ Еф. 5, 32.

Н.К. И Е.И. РЕРИХИ¹
О КНИГЕ В.Ф.БУЛГАКОВА
«ДУХОВНЫЙ ПУТЬ А.ТОЛСТОГО»

Прежде всего о присланных Вами трех книгах. Безотлагательно они были не то что прочтены, а поглощены всеми нами. Должны мы сказать, что то, что Вы делаете во имя Льва Николаевича поистине и велико и прекрасно. Ваши книги являются неувядающим вкладом не только в Русскую литературу, но и ценностью всемирною, ибо истина о великих людях должна быть запечатлеваема именно так правдиво, красочно и художественно, как Вы это делаете. Спасибо Вам за эти книги, они будут на почетной полке в нашей библиотеке. Многие свидетели великих событий предпочитают промолчать и боязливо скрыться за спиною толпы. Но Вы считаете долгом своим сказать во всеуслышание то, что Вы знаете, и такое утверждение будет поступком благородным и мужественным. Если бы таких добросердечных подвигов было бы больше, то и разрешение многих проблем стало бы проще. Спасибо, спасибо Вам крепкое от всех нас.

Н.К.Рерих. Из письма В.Ф.Булгакову. 9.11.1937²

Ваша книга «Духовный Путь Толстого» прочтена здесь с великим воодушевлением и признательностью Вам за такое сердечное и справедливое изложение. Действительно, чувствуется как Вы полюбили эту глубочайшую сторону великого писателя и

¹ Николай Константинович Рерих (1874–1947) – русский мыслитель, художник, писатель, историк, археолог, общественный деятель.

Елена Ивановна Рерих (18791–1955) – русский философ, писатель, общественный деятель.

² РГАЛИ, ф. 2226, ед. хр. 1025. Л. 14.

учителя. Мы все были не только обрадованы Вашей книгой, но и сердечно тронуты, ибо по нынешним временам так необходимо громко высказываться о самом драгоценном, чем жив дух человеческий.

Н.К.Рерих. Из письма В.Ф.Булгакову. 21.02.1938¹

Очень советую Вам прочесть труды Вал[ентина] Булгакова о Толстом, среди них имеется и книжечка, дающая описание тяжелой домашней жизни Толстого. Но особенно хорош его труд «Толстой-моралист», изд[анный] в Праге. В нем прекрасно очерчена духовная эволюция этой большой души.

Е.И.Рерих. Из письма Ф.С.Баруну². 7.05.1939³

Читали ли Вы книгу В.Булгакова «Толстой как моралист»? Книга эта написана прекрасно и показывает этапы духовного пути великого человека.

Е.И.Рерих. Из письма Р.Я.Рудзитису⁴. 10.06.1939⁵

У Елены Ивановны Ваша книга «Духовный Путь Толстого» всегда на рабочем столе. Отличная, сердечная и справедливая книга. Среди многих умалительных, пристрастных характеристик великого писателя, в которых участвовали, к сожалению, даже его семейные, Ваши слова о нем звучат, как голос светлой, утверждающей правды.

Н.К.Рерих. Из письма В.Ф.Булгакову. 4.12.1939⁶

¹ Там же. Л. 25об.

² Ф.С.Барун (1883–1957) – сотрудник Латвийского общества Рериха.

³ Рерих Е.И. Письма. Том VI (1938–1939). М., 2006. С. 393.

⁴ Р.Я.Рудзитис (1898–1960) – латышский поэт, писатель, философ, председатель Латвийского общества Рериха.

⁵ Рерих Е.И. Письма. Том VI (1938–1939). М., 2006. С. 426.

⁶ РГАЛИ, ф. 2226, ед. хр. 1025. С. 58об.

СОДЕРЖАНИЕ

Глава I.....	3
Глава II.....	6
Глава III.....	12
Глава IV.....	17
Глава V.....	32
Глава VI.....	39
Глава VII.....	57
Глава VIII.....	65
Глава IX.....	70
Н.К. И Е.И. РЕРИХИ О КНИГЕ В.Ф.БУЛГАКОВА «ДУХОВНЫЙ ПУТЬ Л.ТОЛСТОГО».....	77

Научное издание

Булгаков В.Ф. Духовный путь Л. Толстого

Редакторы: Я.Н. Глухов, А.Д. Тюриков, В.А. Караульщикова

Верстка: Е.А. Гуркин

Дизайн обложки: Е.А. Гуркин

Ответственный за выпуск: Я.Н. Глухов

Тираж 300